

Марисса

РАЗВОД В 45: ИЗМЕНА ПОД БОЙ КУРАНТОВ

Марисса

РАЗВОД В 45:
ИЗМЕНА ПОД
БОЙ КУРАНТОВ

Магисса - Развод в 45: Измена под бой курантов

<https://litres.ru/74350749>

Аннотация

— Поля, прости, но я полюбил другую. Мы с Кристиной едем в «Серебряный Бор», а ты... ну, накрой себе стол, позови подруг. Двадцать пять лет брака он перечеркнул одной фразой за три дня до Нового года. Мой муж, мой Демид, решил, что в сорок пять я — «прочитанная книга», а его молодая любовница — новая жизнь. Он думал, я останусь дома лить слезы в оливье? Как бы не так! Я тоже еду в этот отель. Я буду смеяться, танцевать и пить шампанское. И пусть теперь он смотрит, как на меня оглядываются мужчины. Пусть кусает локти и сходит с ума от ревности. Потому что предателей я не прощаю. Или... все же стоит дать ему шанс, если он будет очень стараться?

♥# В тексте есть: — Властный герой, который совершил ошибку — Сильная героиня, знающая себе цену — Измена и сложный путь к прощению — Разница в возрасте (у мужа с любовницей) — Очень откровенно и эмоционально — ХЭ обязателен!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	23
Глава 3	33
Глава 4	43
Глава 5	54
Глава 6 (Демид)	64
Глава 7	74
Глава 8	84
Глава 9	95
Глава 10	105
Глава 11 (Полина/Демид)	114
Глава 12	129
Глава 13	137
Конец ознакомительного фрагмента.	138

Пролог

Торговый центр «Аура» гудел, как растревоженный улей. Двадцать восьмое декабря — время, когда даже самые экономные теряют голову, а кредитки раскаляются докрасна. Вокруг меня текла разноцветная река людей: пакеты, коробки, шуршащая бумага, детский плач, смех. Из динамиков Синатра в сотый раз уверял, что погода за окном пугающая, а огонь в камине — такой восхитительный.

Я стояла у кассы парфюмерного бутика, сжимая в руках бархатную темно-вишневую коробочку. Тридцать две тысячи рублей. Половина моей месячной зарплаты логопеда в частном центре.

— Отличный выбор, — девушка-консультант с идеально «заламинированными» бровями и кожей, словно пропущенной через фильтры инстаграма, улыбнулась мне дежурной улыбкой. — Tom Ford Tobacco Vanille. Ваш мужчина оценит. Это запах власти.

— Надеюсь, — я улыбнулась в ответ, чувствуя, как от долгого хождения на каблуках ноет поясница. — Он давно его хотел. У нас скоро годовщина. Двадцать пять лет.

Брови девушки удивленно взлетели вверх, едва не коснувшись линии роста волос.

— Ого! Серебряная свадьба? Поздравляю. Вы такая... героиня. Столько лет с одним человеком. Повезло ему с вами.

«Повезло».

Я расплатилась картой, стараясь не думать о том, что эти деньги мы откладывали на ремонт бани на даче. Ничего. Демид заслужил. Этот год был для него тяжелым: проверки в бизнесе, проблемы с поставщиками, вечные нервы. Он приходил домой чернее тучи, молчал, срывался по пустякам. Мы почти перестали разговаривать, а спали в одной кровати скорее как соседи в плацкарте — отвернувшись к стенке.

Я оправдывала его: возраст, кризис, усталость. Я старалась быть тем самым «надежным тылом». Не пилила, готовила его любимую утку с яблоками, гладила рубашки так, чтобы ни одной складки. Я была удобной. Я была Полечкой.

— Спасибо за покупку! С наступающим!

Я вышла в шумный коридор, перехватив поудобнее пакеты. Руки оттягивали подарки: духи для мужа, новый шарф для дочери Ани, которая прилетает завтра из Праги, и набор каких-то дорогуших кремов для свекрови.

На ходу я мельком глянула в витрину. Оттуда на меня смотрела приятная женщина. Сорок пять лет. Не старая, нет. Ухоженная. Светлое каре, пальто песочного цвета, которое мне очень идет, мягкий шарф. Но глаза... Глаза были уставшими. В них не было того огня, который я видела у молодых девиц, стайками бегающих мимо.

Телефон в кармане завибрировал, прорываясь сквозь шум толпы. На экране высветилось: «Ленка».

Лена была моей лучшей подругой со студенчества. Гром-

кая, трижды разведенная, циничная, но преданная, как цепной пес.

— Але, Ленусь! — крикнула я в трубку, уворачиваясь от парня с огромной елкой на плече. — Я уже выхожу. Утку купила, маринад сделаю по твоему рецепту, с медом...

— Заткнись, Поль.

Ее голос прозвучал так, будто она говорила из бочки. Глухо, жестко и совершенно не по-новогоднему. Я замерла посреди атриума, прямо под гигантским золотым шаром.

— Что случилось? — сердце пропустило удар. — С мамой что-то? С Аней?

— Сядь, — приказала Ленка. — Ты где? В машине?

— Иду на парковку. Лена, не пугай меня!

— Я не пугаю. Я, блин, пытаюсь спасти твои розовые очки от того, чтобы они разбились стеклами внутрь. Сядь в машину. Закройся. И посмотри видео, которое я тебе сейчас скину.

— Какое видео?

— Я сейчас в «Гринвиче», в ювелирном. Зашла себе серьги присмотреть. И увидела... — она запнулась, шумно выдохнула. — Короче, Поль. Твой Демид здесь. И он не выбирает тебе подарок на серебряную свадьбу.

— Он сказал, что у него совещание... — пробормотала я, чувствуя, как холодеют пальцы.

— Совещание, ага. С очень молодым «партнером» в обтягивающих лосинах. Смотри ватсап. И, Поль... Дыши. Про-

сто дыши.

Гудки.

Я не помню, как дошла до лифта. Как спустилась на минус второй этаж. Парковка встретила меня запахом выхлопных газов, сырости и гулким эхом.

Моя «Тойота» мигнула фарами, приветствуя хозяйку. Я швырнула пакеты на заднее сиденье. Туда же полетела утка. Туда же — пакет с мандаринами, запах которых, смешавшись с бензином, вдруг показался тошнотворно-сладким.

Я села за руль и заблокировала двери. В салоне было тихо, только мое дыхание — тяжелое, прерывистое — нарушало тишину.

Телефон звякнул. Сообщение от Ленки. Видеофайл.

Дрожащим пальцем я нажала на «плей».

Картинка дергалась. Ленка снимала исподтишка, видимо, прячась за стойкой с рекламными буклетами.

Сначала я увидела спину Демида. Его широкие плечи в той самой темно-синей парке, которую я заставила его купить месяц назад. Он стоял у прилавка с золотом. Рядом с ним...

Я прищурилась. Девушка была молодой. Лет двадцать три, не больше. Яркая куртка расстегнута, под ней — кроп-топ, открывающий плоский живот, и бежевые лосины, обтягивающие ноги так, что казалось, она голая. Длинные нарощенные волосы, губы, накачанные до состояния «утка», хищный профиль.

Демид что-то сказал продавцу, достал карту. Оплатил.

А потом он взял с бархатной подставки тонкий золотой браслет. Я видела, как блеснули камни под лампами витрины. Не фианиты. Бриллианты.

Он застегнул браслет на запястье девицы. Она взвизгнула — звука на видео почти не было слышно из-за фоновой музыки ТЦ, но я видела, как она подпрыгнула и повисла у него на шее.

Демид обнял ее. Не по-отечески. Он прижал ее к себе крепко, жадно, зарываясь лицом в ее волосы. Он смеялся. Я видела его профиль — разгладились морщины, исчезла та самая «усталость», которой я оправдывала его холодность в постели. Он выглядел мужчиной, который только что сорвал джекпот.

Они развернулись, чтобы уйти. И тут произошло то, что разорвало меня на части сильнее, чем сам факт измены.

Напоследок, прямо перед камерой, Демид опустил свою широкую ладонь ниже ее талии. И смачно, по-хозяйски шлепнул ее по заднице, обтянутой этими вульгарными лосинами.

Это был не жест любви. Это был жест собственника. Так хлопают по крупу породистую кобылу, которую только что купили на аукционе.

Девушка жеманно дернулась, что-то промурлыкала ему в лицо, и он, наклонившись, укусил ее за ухо.

Экран погас. Видео закончилось.

Я сидела в темноте, глядя на черный прямоугольник телефона. В нем отражалось мое лицо — бледное, перекошенное, с потекшей в уголке глаза тушью.

Первой реакцией была тошнота. Желудок скрутило спазмом, к горлу подкатил ком. Я судорожно хватала ртом спертый воздух парковки, словно выброшенная на берег рыба.

Меня трясло. Крупная дрожь била так сильно, что зубы выбивали чечетку, и я прикусила губу. Резкая боль и соленый металлический привкус крови немного отрезвили.

Нет. Этого не может быть. Это какая-то ошибка. Монтаж. Ленка что-то перепутала. Может, это... племянница? Дочь партнера?

Я нажала кнопку повтора. И еще раз.

Второй просмотр был уже не шоком, а хирургической операцией без наркоза. Я заставляла себя смотреть. Всматривалась в детали, как мазохист.

Вот он смеется. Искренне, запрокинув голову. Я помню этот смех — так он смеялся, когда мы купили нашу первую квартиру двадцать лет назад. Когда родилась Анька. Когда мы были нами. В последний год я видела только его угрюмую спину и слышала вечное: «Поль, не грузи, голова раскалывается».

У него раскалывалась голова. Конечно. Ведь все силы уходили на то, чтобы скакать козликом вокруг этой... фитнес-нимфы в лосинах.

Взгляд упал на соседнее сиденье. Там, рядом с пакетом

мандаринов, лежала вишневая коробочка Tom Ford. «Запах власти». Теперь этот запах казался мне запахом гнили.

Я схватила духи. Пальцы впились в картон. Дикое, животное желание швырнуть коробку в лобовое стекло накрыло с головой. Разбить! Уничтожить! Пусть стекло покроется паутиной трещин, пусть все здесь пропитается этим чертовым ароматом ванили и табака, пусть осколки разлетятся, как разлетелась моя жизнь!

Я замахнулась, сжимая коробку так, что побелели костяшки. В горле клокотал крик.

И... замерла.

Рука повисла в воздухе.

«Ты себя в зеркало видела?» — вспомнились мне его недавние слова, брошенные вскользь, когда я примеряла новое платье.

Я посмотрела в зеркало заднего вида. Оттуда на меня глядела перепуганная, жалкая тетка с размазанной тушью. Тетка, которая сейчас разобьет дорогой подарок, разрыдается, а потом... потом поедет домой, чтобы спросить: «За что?» и услышать очередную ложь.

Нет.

Я медленно, очень медленно опустила руку. Аккуратно положила духи обратно в пакет. Поправила ленточку.

Не дожدهшься, Демид. Истерики на парковке не будет. Битья посуды и стекол — тоже. Я не доставлю тебе удовольствия видеть меня слабой. Я не буду той самой «истеричной

женой», от которой бегут к молодым и легким.

Я достала из сумочки влажную салфетку. Методичными, спокойными движениями стерла черные потеки под глазами. Достала помаду. Ярко-красную, ту самую, которую купила тайком и все не решалась «выгулять», потому что Демид любил нюдовые оттенки.

Я провела стиком по губам, очерчивая контур. Крово-во-красный. Цвет войны.

Внутри, где-то в районе солнечного сплетения, вместо горячей лавы боли начал разливаться холод. Ледяной, кристально чистый холод. Он замораживал слезы, выжигал жалость, цементировал позвоночник.

Я — Полина Вишневская. Я пережила дефолт девяносто восьмого с грудным ребенком на руках, пока Демид пытался раскрутить свой первый ларек. Я вытаскивала его из депрессии, когда прогорел второй бизнес. Я строила этот брак по кирпичику двадцать пять лет.

И я не позволю какой-то силиконовой кукле разрушить всё это, пока я стою в сторонке и плачу.

Я повернула ключ зажигания. Двигатель ожил, довольно заурчал. Магнитола, словно издеваясь, тут же подхватила волну. «Happy New Year, Happy New Year...» — пела «Абба» голосами, полными надежды.

Я усмехнулась. В зеркале отразилась хищная улыбка женщины, которой больше нечего терять.

— О да, — прошептала я, глядя в свои холодные глаза.

— Счастливого Нового года, любимый. Ты хотел праздника? Ты хотел эмоций и адреналина? Я тебе их устрою. Ты у меня кровью умоешься, а не шампанским.

Я вдавила педаль газа в пол. «Тойота» рванула с места, оставляя позади полумрак парковки. Я ехала домой.

Глава 1

Квартира пахла праздником, но для меня это был запах похорон.

Запеченная утка с антоновскими яблоками и корицей. Мое фирменное блюдо. Демид обожал его с тех самых пор, как мы жили в «однушке» с протекающим краном и мечтали, что когда-нибудь будем богатыми. Теперь мы богатые. Кран немецкий, плита итальянская, утка фермерская. А счастья в этом доме осталось ровно столько, сколько совести у моего мужа. То есть — ноль.

Я достала тяжелый противень из духовки. Золотистая корочка шкворчала, истекая прозрачным жиром. Аромат был густым, плотным, он заполнял каждый уголок нашей просторной кухни-гостиной, перебивая тонкий запах еловой хвои.

Обычно в такие моменты я чувствовала уют. Гордость хозяйки. Предвкушение семейного вечера. Сегодня меня мутило.

Я поставила противень на деревянную подставку и подошла к панорамному окну. С семнадцатого этажа город казался россыпью драгоценных камней на черном бархате. Пробки мигали красными артериями, в окнах соседних домов переливались гирлянды. Где-то там, в этом хаосе огней, ехал домой мой муж. Человек, с которым я делила постель, ипо-

теки, болезни и радости четверть века.

Человек, который час назад шлепал по заднице полуголую девицу в торговом центре.

Я увидела свое отражение в темном стекле. Красное шелковое платье в пол. Оно струилось по телу, скрывая недостатки (которых, честно говоря, было не так уж много для сорока пяти лет) и подчеркивая достоинства. Глубокое декольте — не вульгарное, а намекающее. И губы.

Я никогда не красила губы дома. Гигиеническая помада, легкий блеск — да. Но эта помада цвета свернувшейся крови была вызовом. Боевой раскраской индейца перед выходом на тропу войны.

— Ты справишься, Полина, — сказала я своему отражению. Голос прозвучал хрипло, чужой. — Ты просто сыграешь эту роль. Последний акт.

Я вернулась к столу. Сервировка была безупречной. Льняные салфетки, продетые в серебряные кольца. Хрустальные бокалы Bohemia, которые мы купили на десятую годовщину. Свечи в высоких подсвечниках. Все было готово к спектаклю под названием «Счастливая семья».

Под пушистой елью, мигающей теплыми огоньками, лежал пакет. В нем — вишневая коробочка с духами Tom Ford. Тридцать две тысячи рублей. Я смотрела на нее как на бомбу с часовым механизмом. Мне хотелось швырнуть ее в мусоропровод. Но нет. Этот подарок должен был стать финальным штрихом. Моим способом показать ему разницу между

нами. Он — предает. Я — дарю.

Щелкнул замок входной двери.

Звук был таким привычным, домашним, что сердце по инерции дернулось в радостном ритме, а потом рухнуло куда-то в пятки, свинцовое и холодное.

— Поль, я дома! — его голос звучал бодро. Слишком бодро для человека, который якобы вымотался на тяжелых переговорах.

Я заставила себя сделать вдох. Раз, два, три. Натянула на лицо маску. Не улыбку — на улыбку меня бы не хватило, — а выражение спокойного, чуть утомленного ожидания.

Демид вошел в гостиную, на ходу расстегивая пальто. Он выглядел... великолепно. И это бесило больше всего. В свои сорок восемь он не расплылся, как многие его ровесники. Крепкий, с благородной сединой на висках, в дорогом костюме, который я сама ему выбирала. Он излучал энергию. Энергию сытого самца.

От него пахло морозом, улицей и... чем-то еще. Еле уловимым, сладким, приторным. Может быть, мне показалось. А может, это был запах чужих духов, который не выветрился даже на ветру.

— Ну и пробки, с ума сойти можно! — он потер ладони, изображая замерзшего путника. — Весь город ломанулся за подарками.

Он подошел ко мне, чтобы дежурно чмокнуть в щеку. Я не отстранилась, но напряглась так, что мышцы шеи свело су-

дорогой. Его губы коснулись моей кожи — холодные, влажные. Меня передернуло.

— Ты чего? Замерзла? — он не заметил моего состояния. Он вообще в последнее время мало что замечал, кроме себя.

— Устала, — коротко ответила я, отходя к столу. — Мой руки, утка готова.

— О-о-о! — он вдохнул воздух, картинно закатывая глаза. — Запах просто божественный. Польша, ты у меня волшебница. Я голоден как волк. Эти партнеры всю душу вымотали.

— Партнеры? — переспросила я, наливая ему вина. Рука не дрогнула. — Сложные переговоры?

— Не то слово, — он прошел к раковине, включил воду. — Упертые. Пришлось попотеть, чтобы убедить их подписать контракт на наших условиях. Но ты же меня знаешь. Я своего не упущу.

Я смотрела на его широкую спину. «Пришлось попотеть». «Своего не упущу». Каждая фраза теперь звучала как издевка. Я знала, с кем он «потел». И знала, какие «контракты» он подписывал в ювелирном отделе.

— Знаю, Демид, — тихо сказала я. — Ты у нас победитель.

Он сел за стол, развернул салфетку. Я положила ему на тарелку лучший кусок — утиную ножку с хрустящей кожей. Сама я есть не могла. Желудок сжался в тугий узел. Я просто крутила ножку бокала, наблюдая, как рубиновая жидкость оставляет следы на стекле.

Демид ел жадно, быстро. Он всегда ел так, когда был возбужден. Или когда врал.

— Ммм, потрясающе, — пробормотал он с набитым ртом.
— Ты, кстати, чего так вырядилась?

Он наконец-то поднял на меня глаза. Его взгляд скользнул по моему декольте, задержался на губах. В глазах мелькнуло недовольство.

— «Вырядилась»? — переспросила я, приподняв бровь.

— Ну... — он покрутил вилкой в воздухе. — Платье красивое, спору нет. Но помада... Поль, мы же дома. Ты с этим цветом как... ну, не знаю. Агрессивно как-то. Тебе не идет. Ты же у меня нежная, домашняя.

«Домашняя». Синоним слова «удобная». Тапочки тоже домашние. И халат. А для «агрессии» и страсти у него теперь есть Кристина в лосинах.

— Захотелось перемен, Демид, — я сделала глоток вина, чувствуя, как алкоголь обжигает горло. — Скоро Новый год. Серебряная свадьба. Двадцать пять лет — это не шутки. Иногда хочется напомнить себе, что я женщина, а не кухонный комбайн.

Он поперхнулся, но быстро восстановил равновесие.

— Ты чего завелась? ПМС? — он усмехнулся, считая шутку удачной. — Я же комплимент хотел сделать. Ты у меня красавица. Просто я люблю, когда ты естественная. Без всей этой штукатурки.

Я промолчала. Если бы я открыла рот сейчас, оттуда вы-

летел бы поток мата, который удивил бы даже портовых грузчиков.

Мы доели в относительной тишине. Демид рассказывал какую-то ерунду про налоги и новые запчасти, я кивала в нужных местах. Идеальная жена. Слушательница. Мебель.

Когда с уткой было покончено, Демид откинулся на спинку стула, довольный и расслабленный. Он выглядел как кот, обожравшийся сметаны.

— Ладно, — он хлопнул ладонями по столу. — Раз уж у нас вечер откровений и парад красоты... Я тоже не с пустыми руками. Решил не ждать тридцать первого.

Он встал, подошел к дивану, где лежала его сумка, и вытащил оттуда объемную коробку, завернутую в аляпистую подарочную бумагу с дедами морозами.

— С наступающим, любимая! — он торжественно водрузил коробку передо мной. — Открывай. Ты оценишь. Я выбирал самую навороченную.

Я медленно потянула за ленту. Бумага зашуршала, разрываясь.

На меня смотрела глянцевая картинка.

«Smart-Мультиварка REDMOND. 50 программ, управление со смартфона, функция "Шеф-Повар"».

Я смотрела на коробку, и мне хотелось смеяться. Громко, истерично. Это было так... банально. Так предсказуемо. Так унижительно.

Я стою перед ним в шелковом платье, с красной помадой,

с разбитым сердцем, а он дарит мне кастрюлю с проводом.

— Ну как? — Демид сиял, ожидая благодарности. — Про-
давец сказал — зверь-машина. Закидываешь продукты, на-
жимаешь кнопку в телефоне — и свободна. Ты же вечно жа-
луешься, что времени не хватает. А теперь будешь меньше
торчать у плиты. Классно я придумал?

— Очень, — мой голос был ровным, как кардиограмма
покойника. — Очень практично, Демид. Спасибо. Это имен-
но то, о чем я мечтала. Чтобы еще быстрее готовить тебе
ужины.

— Ну вот, опять ты с сарказмом, — он нахмурился, не
уловив интонации. — Это забота, Поль. Техника сейчас шаг-
нула вперед...

— Я поняла, — перебила я его. — Правда, спасибо. А
теперь моя очередь.

Я встала, подошла к елке и достала ту самую, вишневую.
Маленькую, стильную, дорогую.

— Это тебе. С годовщиной нас.

Демид взял коробочку. Он сразу узнал бренд. Его брови
поползли вверх, губы растянулись в улыбке — на этот раз
искренней, жадной.

— Ого! — он повертел коробку в руках. — Tom Ford?
Серьезно? Tobacco Vanille? Полька, ты с ума сошла? Они же
стоят как крыло от «Боинга»!

— Для любимого мужа ничего не жалко, — сказала я, гля-
дя ему в глаза.

Он тут же сорвал слюду, открыл крышку, достал флакон темного стекла. Пшикнул на запястье, потом на шею.

Комнату заполнил густой, терпкий, невероятно дорогой аромат табака, ванили и специй. Запах успеха. Запах мужчины, который знает себе цену.

— Вот это я понимаю! — Демид вдохнул аромат с запястья, прикрыв глаза от удовольствия. — Класс. Ребята в офисе обзавидуются. Ты у меня лучшая, Поль!

Он шагнул ко мне, собираясь обнять. Я не отступила, но тело окаменело.

— Рада, что тебе понравилось, — сказала я. — Ты же у нас теперь важный человек. Тебе нужно соответствовать.

— Это точно, — он самодовольно хмыкнул, возвращаясь к столу за бокалом. — Надо соответствовать.

Он был в расстегнутом пиджаке. Видимо, ему стало жарко после еды и вина. Он стоял ко мне боком, поднимая бокал, чтобы рассмотреть его на свет.

И тут я увидела это.

Внутренний карман его пиджака слегка оттопыривался. Ткань натянулась, очерчивая контуры чего-то продолговатого, узкого и твердого.

Бархатный футляр.

Тот самый, который я видела на видео. Тот самый, в котором лежал браслет с бриллиантами для Кристины.

Мир вокруг сузился до этой маленькой выпуклости на ткани дорогого пиджака. Шум города за окном исчез. Остал-

ся только стук моей крови в висках.

Он принес это в наш дом. Он сидит за моим столом, жрет мою утку, принимает мои подарки за тридцать тысяч, а у самого в кармане лежит подарок для любовницы.

Это было уже не просто предательство. Это была наглость высшей пробы. Цинизм, от которого перехватывало дыхание.

Демид перехватил мой взгляд. Он увидел, куда я смотрю.

На секунду — всего на долю секунды — в его глазах мелькнула паника. Та самая животная паника нашкодившего кота. Он дернулся, инстинктивно прикрывая карман рукой, словно защищая самое дорогое.

— Поль, ты чего так смотришь? — его улыбка стала кривой, натянутой.

Я сделала шаг к нему. Медленно. Хищно.

— Демид, — мой голос стал тихим, вкрадчивым. Ласковым, как удавка. — А что это у тебя там? Во внутреннем кармане?

Он побледнел. Рука на кармане сжалась.

— Где? А, тут? — он нервно хохотнул. — Да ничего особенного. Рабочее. Документы. Флешка в футляре. Я же с переговоров.

— Флешка? — я подошла к нему вплотную.

Я чувствовала запах Tom Ford, смешанный с его страхом. Я видела капельки пота, выступившие у него на лбу.

— Странная какая-то флешка, Демид, — сказала я, гля-

дя ему прямо в зрачки, которые расширились от ужаса. — Длинная. В бархате. Очень напоминает упаковку для ювелирки. Для браслета, например.

— Полина, не выдумывай, — он попытался отступить, но уперся поясницей в стол. — Какая ювелирка? Ты перепила вина?

— Да нет, я трезвая как никогда, — я протянула руку. Мои пальцы с длинным красным маникюром почти коснулись лацкана его пиджака. — Если это флешка — покажи. Мы же семья, у нас нет секретов, правда?

— Прекрати! — он перехватил мою руку. Грубо. Больно. — Это мои дела! Не смей рыться в моих карманах!

Он оттолкнул мою руку. В воздухе повисла звенящая тишина. Маски были сорваны. Больше не было «Полечки» и «Дёмы». Был испуганный, агрессивный лжец и женщина, которая его раскусила.

Я выпрямилась, потирая запястье, где остались красные следы от его пальцев. Улыбнулась — страшно, одними губами.

— Флешка, значит? — переспросила я. — Ну хорошо. Тогда покажи мне эту флешку, Демид. Прямо сейчас. Или ты боишься, что на ней записано, как ты шлепаешь свою «партнершу» по заднице?

Глава 2

Тишина в квартире стала плотной, вязкой, как тот самый утиный жир, который теперь застывал на праздничном блюде. Еще пять минут назад здесь пахло Новым годом, а теперь пахло катастрофой.

Демид стоял, прижатый к столу моим взглядом. Его рука все еще судорожно прикрывала нагрудный карман, словно там лежала не ювелирная побрякушка, а детонатор ядерной бомбы.

— Флешка, — повторил он, но голос дал петуха. — Полина, не начинай. Ты что, перебрала? Глаза шальные, несешь какую-то чушь про браслеты...

Он попытался улыбнуться — жалко, криво, одними уголками губ. Так улыбаются люди, которых поймали за руку в чужом кармане, но они надеются, что вежливость спасет их от тюрьмы.

— Я устал, — он резко оттолкнулся от стола, пытаясь сбежать. — Пойду переоденусь. Этот разговор ни о чем.

Он шагнул в сторону спальни. Я перегородила ему путь. Молча. Просто сделала шаг в сторону, закрывая собой проход в коридор. В моем шелковом платье, на каблуках, я чувствовала себя не женой, встречающей мужа с работы, а пограничником, перед которым стоит контрабандист.

— Дай пройти, — рыкнул он, и в его голосе прорезались

первые нотки агрессии.

Я медленно, не отводя от него глаз, достала из кармана (или со стола, где лежал клатч) телефон.

— Ты прав, Демид. Разговоры ни к чему. Иногда лучше один раз увидеть.

Я разблокировала экран. Палец привычно скользнул по иконке галереи. Видео, которое я пересмотрела уже раз двадцать, стояло на паузе.

— Смотри, — сказала я тихо и нажала «плей».

Тишину нашей идеальной кухни, обставленной по последнему слову техники, разрезал звук из динамика. Гул торгового центра. «Jingle Bells» на фоне. И его смех.

Демид замер. Он узнал этот смех.

Я подняла телефон так, чтобы экран был прямо перед его лицом.

Вот он надевает браслет на тонкое запястье. Вот девица виснет на нем. Вот — тот самый момент, от которого меня до сих пор подташнивало. Смачный, хозяйский шлепок по обтянутой лосинами заднице.

Звук шлепка в тишине квартиры прозвучал как пощечина.

Демид смотрел на экран, и я видела, как меняется его лицо. Сначала — тупое непонимание. Потом — узнавание. А затем...

Я ждала стыда. Ждала, что он опустит глаза, покраснеет, начнет бормотать оправдания. Но я ошиблась.

В его глазах вспыхнула злость. Не испуг, не раскаяние, а холодная, колючая ярость человека, которого лишили права на тайну. Его уличили, ткнули носом, как нашкодившего щенка, и это ударило по его раздутому эго сильнее, чем сам факт разоблачения.

Резким движением он ударил меня по руке.

Телефон вылетел из моих пальцев, проскользил по паркету и врезался в ножку дивана. Видео оборвалось. Смех затих.

— Ты что, совсем охренела? — прорычал он, наступая на меня. — Ты следила за мной? Ты наняла кого-то? Докатилась, Полина! Шпионишь за собственным мужем, как параноичка!

— Мне не нужно шпионить, — мой голос был тихим, но в этой тишине звенела сталь. — Твою похоть видел весь торговый центр. Ты даже не прятался. Ты настолько уверен в своей безнаказанности, что решил устроить прелюдию у всех на виду.

— Это не твое дело! — рявкнул он. Его лицо пошло красными пятнами. — Я пашу как проклятый, чтобы у тебя была эта квартира, эта машина, эти шмотки! Я имею право на личное пространство!

— Личное пространство — это рыбалка с мужиками, Демид. Или баня по четвергам, — я кивнула на его оттопыренный карман. — А то, что у тебя там лежит — это не пространство. Это предательство. Доставай.

— Что? — он опешил от моего тона.

— Доставай браслет, говорю. Я хочу видеть, во сколько ты оценил нашу семью.

Он сжал челюсти так, что на скулах заходили желваки. Секунду он колебался, сверля меня ненавидящим взглядом. А потом резко, психованно сунул руку в карман.

— Хочешь браслет? — выплюнул он. — Да пожалуйста! На, подавись!

Он выдернул бархатный футляр и с силой швырнул его на стол. Он не целился, просто кинул, чтобы отвязаться. Футляр подпрыгнул, ударился о край блюда с уткой и шлепнулся прямо в соусницу с брусничным джемом.

Темно-бордовые брызги разлетелись по белой скатерти, как капли венозной крови.

Коробочка раскрылась от удара.

Внутри, на белом шелке, лежал тонкий золотой ободок, усыпанный мелкой бриллиантовой крошкой. Изящный. Молодежный. Дорогой.

Я перевела взгляд с золота, тонущего в брусничном соусе, на огромную коробку с мультиваркой, стоящую в углу, как памятник моему унижению.

— Ей — бриллианты, — медленно проговорила я, чувствуя, как внутри все леденеет. — А жене — кастрюлю с вай-фаем? Чтобы я быстрее готовила жрать, пока ты развлекаешься?

Демид фыркнул, ослабляя узел галстука. Ему стало жарко.

— Не передедериговай. Это просто безделушка. Сорока, — он махнул рукой в сторону браслета. — Ей двадцать три года, Полина. Ей нужны блестяшки. А тебе нужна техника для дома. Я о пользе думал. Ты взрослая женщина, тебе эти финтифлюшки уже ни к чему.

— Ни к чему? — эхом повторила я. — А что мне «к чему», Демид? Крем от морщин и место на кладбище?

— Перестань истерить! — он подошел к столу, схватил бутылку вина и плеснул себе в бокал, расплескав половину. Выпил залпом. — Да, я купил ей подарок. Да, у меня есть женщина. И что? Мир рухнул?

— Кто она? — спросила я. — И давно ты с ней спишь?

Он поставил бокал на стол с таким стуком, что тот едва не треснул. Повернулся ко мне всем корпусом. Его плечи расправились. Он перестал оправдываться и перешел в нападение. Теперь передо мной стоял не муж, а тот самый жесткий бизнесмен, который «отжимал» конкурентов.

— Кристина. Она администратор в моем новом филиале. И да, мы спим. Полгода.

Полгода.

Шесть месяцев. Все лето. Наш отпуск в Сочи, когда он постоянно «висел на телефоне». Его задержки на работе. Его внезапные командировки по выходным.

— Зачем? — это был глупый вопрос, но он вырвался сам собой. — Чего тебе не хватало? Я же все для тебя делала. Я дышала тобой, Демид.

Он посмотрел на меня. Взгляд был тяжелым, оценивающим и... пустым. В нем не было жалости.

— Вот именно, Полина, — жестко сказал он. — Ты дышала мной. Ты растворилась. Ты стала... пресной.

— Пресной?

— Да! — он взмахнул руками. — Посмотри на нас. Дом — работа — дом. По выходным — Ашан и дача. Разговоры только про дочь, про твоих учеников, про ремонт. Скука смертная! Я мужик, Полина! Мне сорок восемь, а не восемьдесят! Я еще живой!

Он подошел ближе, нависая надо мной. От него пахло дорогим парфюмом, который я подарила, и чужим предательством.

— Мне нужно вдохновение! — продолжал он, и в его голосе звучала обида, будто это я его предала. — Мне нужен огонь! Энергия! Когда я с Кристиной, я чувствую себя альфа-самцом. Я горы готов свернуть. Она смотрит на меня как на бога. А ты? Ты смотришь на меня как на... родственника. Как на предмет интерьера.

— Я смотрю на тебя как на мужа, которого люблю, — прошептала я.

— Любовь бывает разная, — отрезал он. — У нас с тобой — партнерство. Уважение. Быт. А страсти нет. Она умерла, Польша. Ты себя в зеркало видела?

Я вздрогнула, как от удара хлыстом.

— Видела.

— И что? — он безжалостно ткнул пальцем в мою сторону. — Ты же потухла. Ты ходишь в этих своих уютных костюмчиках, без макияжа, вечно озабоченная какими-то мелочами. Ты — мама. Ты — хозяйка. Ты — друг. Но ты не женщина, которую хочется завоевывать. Ты — прочитанная книга. Я знаю каждую твою фразу наперед.

Каждое его слово вбивало гвоздь в крышку гроба моей самооценки. Мне казалось, что он сдирает с меня кожу живьем.

— Значит, я старая и скучная, — констатировала я, чувствуя, как дрожат колени. — А она — молодая и веселая.

— Она дает мне тонус! — рявкнул Демид. — Это просто физиология, пойми ты наконец. Я не собирался уходить. Кристина — это праздник, фейерверк. А ты — это тыл. База.

Он говорил это с такой уверенностью, будто объяснял теорему Пифагора.

— Тыл? — переспросила я.

— Конечно. Я же все в дом несу. Ты ни в чем не нуждаешься. Ты живешь в элитном доме, ездишь на хорошей машине. Я оплачиваю учебу Ани. Чего тебе не хватает? Ну, гульнул мужик на стороне. С кем не бывает? Все мои друзья имеют любовниц, это нормально! Статус обязывает.

— Нормально? — у меня перехватило дыхание.

— Абсолютно. Я же не бросил тебя. Не выгнал. Я забочусь о тебе. Просто закрой глаза. Будь мудрой женщиной, Полина. У нас серебряная свадьба, столько лет за плечами...

Не рушь все из-за моей маленькой слабости. Перебешусь и успокоюсь. Кристина — это временно. А мы — это навсегда.

Он потянулся к столу, взял кусок утки прямо рукой, макнул в соус (рядом с плавающим браслетом) и отправил в рот.

— Остыла уже, — недовольно проворчал он, жуя. — Разогрей. И давай без драмы. Я устал, хочу поесть и лечь спать. Завтра тяжелый день.

Он стоял передо мной — жующий, самоуверенный, сытый. Он искренне верил, что я сейчас проглочу это. Что я заплачу, поскандалью, а потом пойду разогревать утку и стелить ему постель. Потому что «куда она денется в сорок пять лет».

Я посмотрела на него и поняла: передо мной чужой человек. Не Дёма, с которым мы клеили обои в первой квартире. Не отец моей дочери. Это был циничный, зажавшийся потребитель, который использовал меня как удобную функцию.

Вся любовь, которая теплилась во мне двадцать пять лет, выгорела за одну секунду, оставив после себя черное пепелище.

Я молча протянула руку к столу и взяла свой бокал с вином. Он был почти полон. Темно-красная жидкость, цвета густой крови.

Демид заметил это движение. Он расслабился. Уголки его губ дрогнули в снисходительной улыбке.

— Вот и умница, — кивнул он. — Выпей, успокойся.

Стресс надо снимать. Сейчас посидим, поговорим нормально...

— Я посмотрела в зеркало, Демид, — перебила я его. Мой голос звучал на удивление спокойно, даже буднично.

— Что? — он замер с куском хлеба в руке.

— Ты спросил, видела ли я себя в зеркало. Видела. И знаешь, что я там обнаружила?

Я сделала шаг к нему. Он не отстранился, ожидая примирения.

— Женщину, которая слишком хороша для такого дерьма, как ты.

С этими словами я с размаху выплеснула содержимое бокала ему в лицо.

Красная волна ударила в его самодовольную физиономию, залила глаза, потекла по щекам, капая на белоснежную рубашку и дорогой пиджак. Винные пятна расплывались на ткани, как кровавые раны.

Демид захлебнулся, ослепленный вином. Он взревел, вытирая лицо ладонями.

— Ты что, больная?! Это же итальянский шелк! Ты спятила?!

— Вон, — сказала я.

— Что? — он моргал, глядя на меня красными от вина глазами. С его носа капало. Он выглядел жалко и смешно.

— Вон из моего дома, — повторила я громче. — Прямо сейчас. Забирай свой браслет, свою «энергию» и вали к сво-

ей Кристине.

— Ты не посмеешь, — прошипел он. — Это и мой дом тоже!

— Эта квартира — наследство моего отца, — напомнила я, скрестив руки на груди. — Ты здесь даже не прописан. У тебя есть пять минут, чтобы собрать шмотки. Если не убе-решься — я вызываю охрану и говорю, что пьяный посторонний угрожает мне расправой.

— Полина, ты пожалеешь, — он шагнул ко мне, сжимая кулаки. — Ты приползешь ко мне на коленях, когда у тебя закончатся деньги! Кому ты нужна, старая дура?

— Время пошло, Демид. Четыре минуты пятьдесят секунд.

Я развернулась и пошла к окну, чтобы не видеть, как он, матерясь и проклиная меня, мечется по квартире, собирая свои вещи.

Идеальный ужин закончился. Началась новая жизнь. И пусть в ней пока пахло не счастьем, а брусничным соусом и пролитым вином, зато воздух в ней был чистым. Без примеси лжи.

Глава 3

— Четыре минуты, Демид.

Мой голос прозвучал глухо, словно я говорила из-под толщи воды. Но в ушах не шумело. Наоборот — слух обострился до предела. Я слышала, как тикают настенные часы в виде солнца, как гудят пробки за тройными стеклопакетами, как тяжелые капли вина падают с подбородка мужа на дубовый паркет. Кап. Кап. Кап.

Демид стоял, растопырив руки, чтобы не запачкать брюки. На его лице, перекошенном от ярости и унижения, читалась работа мысли. Он все еще не верил. Он думал, что это блеф. Истерика климактерички. Сцена из дешевого сериала, которую можно прекратить, просто повысив голос.

— Полина, хватит, — он дернул головой, отбрасывая со лба мокрую прядь. — Ты переходишь границы. Я понимаю, ты на эмоциях, тебе больно, но это не повод устраивать цирк.

Он потянулся к пачке бумажных салфеток на столе, выдернул сразу несколько штук и начал промокать рубашку. Движения были нервными, дергаными.

— Это, между прочим, химчистка, — буркнул он, глядя на расплывающееся багровое пятно. — Итальянский шелк. Знаешь, сколько она стоит?

Меня накрыло волной ледяного бешенства. Он говорит о рубашке. Я только что узнала, что он полгода трахает девуцу,

годящуюся ему в дочери, а он переживает за тряпку.

— Три минуты, — сказала я, глядя сквозь него.

— Да прекрати ты этот отсчет! — взорвался он, комкая грязные салфетки и швыряя их на стол, прямо в салатницу с оливье. — Никуда я не пойду. Ночь на дворе. Я устал, я выпил. Мы ляжем спать, — он выделил это «мы» с нажимом, будто ничего не произошло, — а утром, на трезвую голову, поговорим. Я все объясню. Ты поймешь. Ты же умная женщина.

«Умная женщина». В его словаре это означало «терпила». Умная — значит, глотает обиды, молчит и делает вид, что дождь из плевков — божья роса.

— Ты прав, Демид. Я умная. Наконец-то поумнела.

Я развернулась на каблуках, чувствуя, как подол платья хлестнул меня по лодыжкам, и направилась в спальню.

— Ты куда? — крикнул он мне в спину. — Полина! Я с тобой разговариваю!

Я не ответила. Я шла маршем расстрельной команды. Внутри не было страха, только чистый, концентрированный адреналин, который сжигал остатки жалости.

Спальня встретила меня полумраком и запахом лаванды — я всегда клала саше в бельевой шкаф. На кровати, застеленной покрывалом, которое мы выбирали вместе месяц назад, лежали декоративные подушки. Уютное гнездышко. Склеп.

Я рванула дверцу гардеробной. Свет автоматически

вспыхнул, освещая ряды его костюмов, рубашек, джемперов. Все это я стирала, гладила, отпаривала, подбирала по цветам. Я была хранительницей его имиджа.

На верхней полке лежала спортивная сумка. Черная, кожаная. Та самая, с которой он ездил в свои «командировки» по выходным. Теперь я знала, что в этих поездках он качал не мышцы в спортзале, а свое эго в постели с Кристиной.

Я сдернула сумку. Она упала на пол с глухим стуком.

— Ты что творишь? — Демид влетел в спальню. Он задыхался, лицо все еще было красным от вина и бега.

Я молча открыла молнию.

Первым под руку попался стопка его любимых джемперов. Кашемир. Мягкий, дорогой, бежевый. Я сгребла их в охапку, не заботясь о том, помнутся они или нет, и запихала в сумку.

— Не смей! — взвизгнул он. Да, именно взвизгнул. Властный бизнесмен исчез. Остался мелочный мужичонка, трясущийся за шмотки. — Это кашемир! Ты его испортишь! Полина, прекрати немедленно!

Следом полетели джинсы. Рубашки прямо с вешалками. Носки, свернутые в аккуратные клубочки. Я швыряла его жизнь в эту черную дыру сумки, как мусор.

Демид подскочил ко мне и схватил за руку. Его пальцы больно впились в мое предплечье.

— Я сказал — хватит! — прорычал он мне в лицо. От него разило алкоголем и яростью. — Успокойся, истеричка!

Боль отрезвила меня окончательно. Я дернулась, но он держал крепко. Тогда я посмотрела ему в глаза — спокойно, почти с любопытством — и сказала очень тихо:

— Убери лапы.

— А то что? — он оскалился. — Ударишь меня?

— А то я сейчас закричу, — пообещала я. — Я закричу так, Демид, что через минуту здесь будут соседи. Марья Петровна с нижнего этажа, у которой бессонница. Охрана с первого этажа. И я расскажу им всем, как уважаемый Демид Андреевич избил жену, потому что она отказалась терпеть его шлюх. Ты этого хочешь? Скандала? Позора на весь дом?

Он замер. Статус. Репутация. «Что люди скажут». Это были его болевые точки. Он мог быть тираном дома, но на людях он был безупречным джентльменом. Мысль о том, что соседи увидят его в таком виде — облитого вином, втягивающего жену в драку — подействовала как ледяной душ.

Его пальцы разжались.

— Ты больная, — выдохнул он с отвращением, отступая на шаг. — Психичка. Тебе лечиться надо.

— Лекарство я уже нашла. Это диета. Избавление от лишнего веса в сто килограммов дерьма.

Я швырнула в сумку еще пару трусов, которые попались под руку, и с силой дернула молнию. Она застряла на полпути, зажевав рукав голубой рубашки. Плевать.

Я схватила ручки и поволокла сумку к выходу. Она была тяжелой, но я этого не чувствовала. Я могла бы сейчас сдви-

нуть с места товарный вагон.

Демид шел за мной, как приклеенный. Он что-то бормотал, пытался преградить путь, но не решался тронуть меня снова. Он видел мое лицо. Наверное, я выглядела страшной. С размазанной помадой, растрепанными волосами и глазами убийцы.

Мы вышли в прихожую.

Я сдернула с крючка его пуховик — тот самый, темно-синий, в котором он обнимал Кристину на видео. Сдернула шапку, шарф.

— Одевайся, — бросила я, открывая входную дверь.

Тяжелая металлическая дверь подалась легко. В лицо пахнуло прохладой подъезда — стерильной, безжизненной чистотой элитного дома.

Я вышвырнула сумку за порог. Она проехала по мраморной плитке общего коридора и уткнулась в стену. Рукав рубашки жалко торчал из расходящейся молнии, как белый флаг капитуляции.

Следом полетел пуховик. Он упал бесформенной кучей сверху.

— Выметайся, — сказала я.

Демид стоял в дверном проеме. Он смотрел на свои вещи на полу, потом на меня. В его взгляде что-то сломалось. Надежда на то, что «пронесет», исчезла. Осталась только голая, неприкрытая ненависть.

Он начал обуваться. Медленно, нарочито долго, пытаясь

сохранить остатки достоинства. Он не завязывал шнурки, просто сунул ноги в ботинки. Выпрямился.

На тумбочке в прихожей все еще лежал тот злополучный пакет. Я схватила его. Коробочка Tom Ford внутри стукнулась о картон.

— А это, — я сунула пакет ему в руки, больно ткнув острым углом в грудь, — твое вдохновение. Забирай. Надушишься, когда будешь объяснять Кристине, почему ты приперся к ней на ночь глядя с чемоданом и без денег.

Он перехватил пакет. Его лицо исказилось в гримасе презрения. Он шагнул за порог, в коридор, где горел яркий, беспощадный свет ламп.

Теперь мы стояли по разные стороны баррикад. Я — в своей крепости. Он — в изгнании.

Он оправил испачканный пиджак, провел рукой по седым волосам, пытаясь вернуть себе вид хозяина жизни. И, глядя на меня сверху вниз, произнес речь, которую, видимо, готовил все эти пять минут.

— Ну и дура, — сказал он. В его голосе было столько яда, что им можно было отравить водопровод целого города. — Стой здесь, в своей гордости. Радуйся. Ты думаешь, ты победила? Ты проиграла, Полина.

Он сделал паузу, чтобы слова дошли до цели.

— Посмотрим, как ты запоешь через месяц. Ты же ноль без меня. Пустое место. Кто ты? Логопед с копеечной зарплатой? Кому ты нужна в сорок пять лет? Старая, никому не

интересная тетка с прицепом проблем.

Я молчала, вцепившись побелевшими пальцами в дверную ручку. Каждое слово было ударом под дых, но я стояла прямо.

— Приползешь сама, — продолжал он, упиваясь своей жестокостью. — Приползешь на коленях, когда деньги кончатся. Когда поймешь, что за квартиру платить нечем, а Ане нужны деньги на учебу. Ты будешь умолять меня вернуться. А я...

Он усмехнулся — злой, торжествующей улыбкой.

— А я буду счастлив. Я буду жить полной жизнью. С молодой, красивой женщиной, которая меня ценит. А ты сгниешь здесь в одиночестве со своей мультиваркой.

— Забери мусор, Демид, — перебила я его. Мой голос не дрогнул. — Пакет у двери.

Я кивнула на коробку с мультиваркой, которую выставила за порог еще в начале скандала.

Его лицо дернулось. Мое равнодушие бесило его больше, чем крики.

— Ключи, — потребовала я, протянув ладонь. — Сюда.

Он полез в карман брюк. Достал связку ключей с брелоком в виде маленького поршня — подарок от партнеров.

— Подавись, — он не вложил их мне в руку. Он с силой швырнул их на пол, прямо к моим ногам.

Звон металла о керамогранит прозвучал как выстрел. Он хотел, чтобы я наклонилась. Чтобы я поклонилась ему напо-

следок.

Я посмотрела на ключи. Потом на него.

Медленно, глядя ему в глаза, я подняла ногу в изящной туфле-лодочке и носком пнула связку. Ключи заскользили по плитке, перелетели через порог и остановились у его грязных ботинок.

— Сдохни от счастья, любимый, — сказала я.

И захлопнула дверь.

Грохот металла отрезал меня от него. Я тут же повернула задвижку. Раз. Потом верхний замок. Два оборота. Нижний замок. Четыре оборота. Щеколда.

Лязг запоров звучал как музыка. Самая грустная и самая прекрасная музыка на свете.

Я прижалась спиной к холодной поверхности двери. Затылком почувствовала вибрацию металла — он, наверное, ударил по двери кулаком с той стороны. Или пнул ее. Но я уже не слышала ни звука. Хорошая звукоизоляция. Дорогая.

Тишина обрушилась на меня внезапно, как бетонная плита.

Секунду назад здесь были крики, звон, запах перегара и ненависти. А теперь — вакуум.

Я стояла в прихожей, глядя перед собой невидящим взглядом. Адреналин, который держал меня все это время, схлынул, оставив после себя сосущую пустоту и слабость. Ноги стали ватными. Колени подогнулись сами собой.

Я медленно сползала по двери вниз, пока не села на пол,

прямо на холодный керамогранит, где минуту назад лежали ключи.

В квартире было тихо. Пугающе тихо. Только на кухне монотонно гудел холодильник, отсчитывая секунды моей ной, одинокой жизни.

Напротив, в зеркале шкафа-купе, отражалась женщина. Красное платье задралось, открывая колени. Тушь потекла, превращая глаза в черные провалы. Одна туфля слетела с ноги и валялась рядом, как подбитая птица.

Это была я. И не я.

Я ждала слез. Ждала, что сейчас меня прорвет, что я буду выть, кататься по полу, рвать на себе волосы.

Но слез не было. Внутри все вымерзло. Было только странное, звенящее чувство... свободы? Или конца света? Я пока не могла разобрать.

С кухни донесся резкий, требовательный писк.

Пик-пик-пик.

Это сработал таймер духовки. Утка, которую я готовила три часа, которую мариновала в меде и специях, окончательно остыла. Она никому не нужна. Как и я.

Я закрыла лицо ладонями, вдыхая запах собственных духов и чужого предательства, и осталась сидеть в темноте прихожей, слушая, как где-то далеко, за стенами этой крепости, город продолжает готовиться к празднику, который для меня уже закончился.

♥# Нравится книга? Подпишитесь на мою страницу по этой ссылке: <https://litnet.com/shrt/I-Pp> Просто нажмите кнопку "Отслеживать автора"вверху профиля! Плюсик к карме и +100 к моей мотивации работать еще больше ради Вас! ♥#

Глава 4

Я не знаю, сколько я просидела на полу в прихожей. Час? Два? Мой зад онемел от холодного керамогранита, а ноги затекли так, что, когда я попыталась встать, их пронзило тысячей иголок. Я зашипела от боли, хватаясь за край обувицы.

В зеркале шкафа-купе отразилось какое-то пугало. Всклоченные волосы, красное платье, сбившееся на бок, одна нога босая, другая в туфле. И черные дорожки туши на щеках, похожие на трещины в фарфоре.

— Красавица, — прокаркала я в пустоту. Голос сорвался.

Я поплелась на кухню. Ноги ступали тяжело, будто к лодыжкам привязали гири.

Там, в центре моего бывшего рая, царил хаос. На столе, среди белоснежной сервировки, расплывалось уродливое винное пятно — след от моего выстрела в лицо мужу. Салфетка, которой он вытирался, валялась в миске с оливье, как грязный бинт.

А посередине стояла утка.

Золотистая, блестящая, с хрустящей корочкой. Я потратила три часа, чтобы она получилась идеальной. Я выбирала лучшие яблоки на рынке, торговалась с бабушкой за пучок тимьяна. Я вложила в эту птицу всю свою любовь, заботу, желание порадовать.

Теперь она выглядела как труп.

Меня замутило. Резкий запах мяса и сладких специй, который раньше вызывал аппетит, теперь казался тошнотворным запахом гниения.

Я схватила блюдо. Жир уже застыл белыми хлопьями. Я подошла к мусорному ведру под раковиной, нажала педаль и, не дрогнув, опрокинула тяжелую тушку прямо в пластиковый пакет с очистками. Следом полетели печеные яблоки и чернослив.

Глухой шлепок еды о дно ведра прозвучал как последний удар молотка по крышке гроба нашего брака.

— Жри сам, — прошептала я.

Я повернулась, чтобы уйти, и споткнулась о коробку. Чертова мультиварка REDMOND. Она все еще стояла здесь, в углу, своим глянцевым боком напоминая мне, кто я есть. Кухарка. Обслуга. Функция.

Я размахнулась и со всей силы, с оттяжкой, пнула картонную коробку босой ногой.

Боль прострелила пальцы, но я даже не вскрикнула. Физическая боль была хоть чем-то реальным в этом кошмаре. Коробка перевернулась, глухо стукнув о стену.

— Ненавижу, — выдохнула я. — Ненавижу тебя. Ненавижу себя. Ненавижу этот Новый год.

Я побрела в ванную. Мне нужно было смыть с себя этот вечер. Смыть этот запах Tom Ford, который все еще витал в воздухе, запах его предательства, запах собственной глупости.

В ванной я включила воду на полную мощь. Яркий, безжалостный свет галогеновых ламп ударил в глаза.

Я подняла голову и посмотрела в зеркало.

«Ты себя в зеркало видела?» — прозвучал в голове голос Демида.

Я видела.

На меня смотрела уставшая женщина средних лет. Под глазами залегли тени, кожа казалась тусклой, серой. Я приблизила лицо к стеклу. Вот они — морщинки в уголках глаз. «Гусиные лапки», как ласково называют их косметологи. А вот носогубная складка, ставшая глубже за последний год.

— Старая, — прошептала я, трогая свое лицо пальцами. — Он прав. Я старая.

Конечно, ему нужна Кристина. У нее кожа как персик, натянутая, упругая. У нее нет шрама от кесарева. У нее грудь не потеряла форму после кормления. У нее в глазах нет этой вековой усталости и тревоги за ипотеку, за дочь, за здоровье родителей.

Я схватила ватный диск, налила мицеллярную воду и начала тереть лицо. Яростно, грубо. Я стирала эту дурацкую красную помаду, этот «боевой раскрас», который не помог мне выиграть войну. Я хотела содрать с себя кожу.

Ватный диск стал черным от туши и красным от помады. Лицо горело.

Я опустилась на пол, прижавшись спиной к холодному кафелю под раковиной. Силы кончились. Плотина, которую я

держала все это время, рухнула.

Я завывала.

Не красиво, не кинематографично, как плачут героини мелодрам, роняя одинокую слезу. Я рыдала в голос, с подвыпаниями, размазывая сопли по лицу, икая и давясь воздухом. Мне было жалко себя. Жалко свои двадцать пять лет, отданные человеку, который вытер об меня ноги. Жалко то платье, которое я выбирала неделю. Жалко Аню, которая придет завтра и узнает, что у нее больше нет семьи.

Я плакала о том, что я никому не нужна. Что я действительно «прочитанная книга», которую сдали в макулатуру.

Резкий звонок в дверь разрезал мои рыдания, как нож.

Я вздрогнула и замерла, зажав рот рукой. Сердце ухнуло и забилось где-то в горле.

Демид.

Это он. Он вернулся. Он понял, что натворил. Он сейчас стоит там, за дверью, с цветами (где он их взял ночью?), на коленях. Он скажет, что был пьян, что бес попутал, что любит только меня...

Предательская, жалкая надежда подняла меня с пола. Я, шмыгая носом, бросилась в прихожую. На ходу вытирала лицо рукавом платья, пытаюсь привести себя в человеческий вид.

«Я не прощу его сразу, — лихорадочно думала я. — Пусть помучается. Но я открою. Я выслушаю».

Я прильнула к глазку.

И выдохнула. Весь воздух вышел из легких, оставив разочарование пополам с облегчением.

За дверью стояла не покаявшаяся мужская фигура. Там, в свете подъездной лампы, маячила объемная розовая шуба из эко-меха и шапка с помпоном.

Ленка.

Я щелкнула замками. Дверь распахнулась.

Лена стояла на пороге с двумя огромными пакетами из супермаркета, звенящими, как оркестр стеклотары. Она окинула меня быстрым сканирующим взглядом: красные глаза, распухший нос, пятна на лице, босая нога.

— Так, — констатировала она, не здороваясь. — Клиент скорее мертв, чем жив. Я взяла текилу, три лимона и торт «Прага». Хотя, судя по твоему виду, нам нужен цианид. Или пулемет.

— Нам нужен яд, — всхлипнула я, и новые слезы брызнули из глаз.

— Обойдешься текилой. Она тоже яд, но веселый, — Ленка пнула дверь ногой, захлопывая ее, и по-хозяйски двинулась на кухню. — Пошли. Будем проводить реанимационные мероприятия.

Через десять минут мы сидели за испорченным столом. Оливье с грязной салфеткой Ленка безжалостно отправила в мусорку (вслед за уткой), пятно прикрыла чистым полотенцем. Посреди стола возвышалась бутылка Olmesa, нарезанный лимон и соль.

— Пей, — скомандовала подруга, пододвигая мне стопку. Я выпила. Жидкость обожгла горло, ударила в голову, и стало чуть-чуть теплее.

— Рассказывай, — велела Ленка, слизывая соль с запястья. — В подробностях. Как ты его?

Я рассказала. Про браслет в соусе. Про «ты старая и пресная». Про шлепок по заднице, который стоял у меня перед глазами. Про мультиварку. Про то, как выкинула его вещи на лестницу.

Ленка слушала внимательно, только иногда подливала нам в стопки и вставляла комментарии, от которых уши сворачивались бы в трубочку даже у сапожника.

— Вот же гнида, — выдохнула она, когда я замолчала. — Классика жанра. Кризис среднего возраста, тестостерон в голову ударил, захотелось молодого мяса. Полька, ты понимаешь, что дело не в тебе?

— В мне, Лен, — я уронила голову на руки. — Он прав. Я клуша. Я растворилась в нем. Я забыла, когда последний раз флиртовала. Я даже белье ношу хлопковое, потому что «так гигиеничнее». Кому я нужна такая?

— Так, стоп! — Ленка хлопнула ладонью по столу. — Отставить самобичевание. Ты не клуша. Ты — шикарная баба. У тебя фигура — песочные часы, а не «груша», как у меня. У тебя кожа — фарфор, если ревой перестать заниматься. А то, что ты ему задницу двадцать лет вытирала — это твоя ошибка, да. Но не вина.

Она налила еще.

— Он не мужик, Поль. Он паразит. Глист в скафандре бизнесмена. Он высосал из тебя молодость, энергию, заботу, а теперь, когда ты устала, решил пересаживаться на свежего донора. Кристина эта — просто новый кормовой объект.

— Он сказал, что я «прочитанная книга», — горько усмехнулась я.

— Ага. А сам он — комикс для дебилов. Картинки яркие, а смысла ноль. Забей, подруга. Ты не потеряла мужа. Ты избавилась от опухоли. Больно? Да. Кровит? Да. Но зато теперь организм начнет выздоравливать.

Мы выпили еще по одной. Текила делала свое дело: боль притупилась, уступив место тупой, ноющей пустоте и... злости.

Часы показывали час ночи.

— Так, — Ленка ткнула вилкой в кусок торта. — С лирикой закончили, переходим к практике. Что с Новым годом? Анька завтра прилетает?

— Завтра в обед, — кивнула я. — Надо ей сказать. Господи, как я ей скажу?

— Скажешь как есть. Она взрослая девка, поймет. А дальше что? Вы же в «Серебряный Бор» собирались. У вас там люкс бронирован с тридцатого.

Я махнула рукой.

— Какой «Серебряный Бор», Лен? Все, праздник отменяется. Надо звонить, отменять бронь. Хоть деньги вернут...

Я осеклась.

В голове что-то щелкнуло. Какая-то мысль, маленькая и острая, как заноза.

Деньги.

— Стоп, — сказала я, хмурясь. — Деньги.

— Что деньги? — не поняла Ленка.

— Демид сказал, что у него «оборотные средства зависли». Какие-то проверки налоговой, счета арестовали... Он просил меня оплатить отель. Сказал, как разблокируют — вернет.

Я полезла в карман халата (я переоделась в махровый халат, пока Ленка накрывала на стол) за телефоном. Пальцы плохо слушались, но я открыла приложение банка.

История операций. Декабрь.

Я пролистала список покупок в «Пятерочке» и аптеке. Вот оно.

15 декабря. Перевод организации: Эко-отель «Серебряный Бор». Сумма: 350 000 рублей.

Списание с карты VISA Polina. С того самого счета, где лежали деньги от продажи папиного гаража и мои накопления «на черный день».

Я смотрела на цифры, и хмель выветривался из моей головы со скоростью звука.

Триста пятьдесят тысяч.

Я оплатила этот праздник. Я купила этот люкс. Я, своими руками, оплатила место, куда он собирался везти свою шлю-

ху.

— Лен... — мой голос задрожал, но уже не от слез, а от бешенства. — Это я платила. Полностью. Триста пятьдесят кусков.

Ленка выхватила у меня телефон. Присвистнула.

— Ни хрена себе ценник. И что? Бронь на чье имя?

Я открыла почту, нашла ваучер.

«Гость: Полина Вишневская + 1 взрослый. Категория номера: Люкс Премиум с камином и джакузи».

— На меня, — сказала я. — Бронь на меня.

Ленка медленно подняла на меня глаза. В них плясали чертики. Хищные, злые, пьяные чертики.

— Поль, ты понимаешь, что это значит?

— Что я дура, которую развели на бабки?

— Нет, — Ленка расплылась в улыбке чеширского кота.

— Это значит, что отель оплачен. ТВОИМИ деньгами. На ТВОЕ имя.

Она налила остатки текилы в стопки.

— Ты что предлагаешь? — я начала догадываться, и от этой догадки по спине побежали мурашки.

— Я предлагаю не отменять бронь, — Ленка чокнулась с моим бокалом так, что стекло звякнуло на всю кухню. — Я предлагаю поехать туда.

— Ты с ума сошла? — я опешила. — Туда поедет Демид! Он же сказал: «Я буду счастлив». Он потащит туда эту Кристину!

— Вот именно! — Ленка стукнула кулаком по столу. — Он припрется туда со своей шалавой, уверенный, что жена сидит дома и сопли на кулак наматывает. А там — сюрприз! Номер занят. Хозяйка приехала.

— Лен, я не смогу... Видеть их там...

— Сможешь! — жестко перебила она. — Ты не просто сможешь. Ты будешь королевой. Мы поедем туда втроем: ты, я и Анька. Мы займем этот чертов люкс с камином. Мы будем пить шампанское в джакузи, за которое ТЫ заплатила. А он пусть ночует в сугробе со своей фитоняшкой!

Я представила эту картину. Демид, уверенный в своей безнаказанности, на ресепшене. И администратор, который говорит ему: «Извините, господин Вишневский, но мадам Вишневская уже заселилась».

Внутри меня, на выжженном пепелище, вдруг начал пробиваться росток. Злой, колючий, но живой.

Почему я должна дарить ему этот праздник? Почему я должна сидеть в пустой квартире и рыдать, пока он трахается за мои деньги в шикарном отеле?

Это мои деньги. Это мой отпуск. Это моя жизнь.

Я взяла стопку. Руки больше не дрожали.

— Знаешь, Лен, — сказала я, и в моем голосе впервые за этот вечер прозвучали нотки той Полины, которая когда-то не побоялась послать рэкетиров в девяностых. — А ведь ты права. Какого хрена?

— Вот именно! — Ленка победно подняла руку.

— Мы едем, — решила я. — Мы едем в «Серебряный Бор». И мы устроим ему такой «ол инклюзив», что он подавится собственной наглостью.

Мы залпом выпили текилу. Горькую, соленую, злую.
За окном начинался рассвет.

Глава 5

Утро двадцать девятого декабря встретило меня ощущением, что в черепную коробку вместо мозга положили кирпич. Шершавый, тяжелый и раскаленный.

Я разлепила глаза. Потолок был незнакомым... Нет, знакомым. Это потолок в моей гостиной. Просто я никогда раньше не просыпалась на диване, завернутая в плед, с привкусом пустыни Сахара во рту.

С кухни доносился запах кофе и жареного бекона. Этот запах, который в обычной жизни вызывал аппетит, сейчас показался мне биологическим оружием. Желудок сделал кульбит.

— О, живой труп зашевелился! — раздался бодрый голос Ленки.

Подруга стояла в дверном проеме, держа в одной руке лопатку, а в другой — стакан с мутной шипящей жидкостью. На ней был мой фартук с надписью «Лучшая хозяйка», который на её пышных формах смотрелся как мини-бикини.

— Убей меня, — прохрипела я, натягивая плед на голову. — Просто пристрели, Лен. Я перепишу на тебя квартиру.

— Не дожدهшься. Квартира нам еще пригодится, чтобы устраивать оргии на костях твоего брака. Пей. Это шипучка с аспирином и лимонным соком. Гадость редкая, но поднимает даже мертвых.

Ленка сунула мне в руку стакан.

Я села, чувствуя, как мир опасно кренится влево. Выпила залпом. Жидкость обожгла горло, но в голове почти сразу чуть прояснилось.

— Лен, — я поставила стакан на пол. — Какой захват мира? Я хочу лечь, накрыться подушкой и лежать так до китайской пасхи. Я не поеду ни в какой отель.

— Поедешь, — отрезала подруга, переворачивая шкворчащий бекон. — Потому что если ты останешься здесь, ты начнешь звонить ему. Или смотреть его старые фотки. Или, не дай бог, жрать оливье из мусорки. Я тебя знаю, Вишневская. Тебе нельзя быть одной.

— Я буду не одна, я буду с тобой...

— У меня корпоратив сегодня вечером, забыла? Я не могу тебя нянчить двадцать четыре на семь. Так что план такой: завтрак, душ, патчи под глаза — и на шоппинг. Тебе нужна броня.

В этот момент в прихожей раздалась трель домофона.

Я вздрогнула так, что плед сполз с плеч.

— Кто это? — прошептала я. — Он?

— У него нет ключей, ты вчера их забрала, — напомнила Ленка, выключая плиту. — И сомневаюсь, что он приполз так рано. У него же «любовная любовь» и медовый месяц в съемной халупе.

Она вышла в коридор, посмотрела на монитор и присвистнула.

— А вот и тяжелая артиллерия. Вставай, мать. Дочь приехала.

Аня.

Господи, я совсем забыла. Она писала, что рейс утренний, но в этом алкогольном тумане все вылетело из головы.

Я заметалась по комнате. Халат! Где халат? Расческа? Я не могу показаться ребенку в таком виде!

— Открывай! — крикнула я Ленке, пытаюсь пригладить всклокоченные волосы пятерней.

Хлопнула входная дверь.

— Хеллоу, предки! — раздался звонкий, наполненный жизнью голос. — Я дома! Почему никто не встречает с хлебом-солью? Лифт не работает, я чуть не родила, пока этот чемодан на семнадцатый этаж тащила!

В гостиную влетела Аня. В объемном пуховике «оверсайз», в шапке набекрень, румяная с мороза, красивая до боли. Ей двадцать лет, она учится на дизайнера в Праге, и она — лучшее, что мы с Демидом создали вместе.

Она бросила чемодан у входа и раскинула руки для объятий, но тут же замерла.

Ее взгляд скользнул по моему опухшему лицу, по Ленке в фартуке на голое тело (ну, почти), по перевернутой коробке от мультиварки в углу, которую я так и не подняла ночью.

Улыбка сползла с ее лица.

— Мам? — она нахмурилась, стягивая шапку. — Что случилось? Почему ты выглядишь так, будто тебя переехал ка-

маз? И где папа?

Я открыла рот, чтобы соврать. Сказать, что приболела, что папа на работе, что все хорошо... Но ком в горле не дал выдать ни звука.

— Папа, Анечка, ушел в большой секс-тур, — спокойно сообщила Ленка, вручая ей тарелку с яичницей. — С администратором Кристиной. Бессмысленной и беспощадной.

Аня застыла с расстегнутой курткой. Она перевела взгляд с меня на Ленку, потом снова на меня.

— В смысле? — ее голос стал жестким. — Он что, завел любовницу?

Я кивнула, чувствуя, как снова наворачиваются слезы.

— Реально? — Аня закатила глаза, но не заплакала. — Какой кринж. Ему же почти полтинник. У него что, кризис жанра? Он же старый для интрижек!

Она подошла ко мне и крепко, по-взрослому обняла. От нее пахло морозной свежестью и мандаринами.

— Мам, ну ты чего? Ну не реви. Он, конечно, поступил как полный мудака, но мы же знали, что у него эго размером с небоскреб.

— Он выгнал меня из жизни, Ань, — всхлипнула я ей в плечо. — Сказал, что я старая и пресная.

— Ага, шас, — фыркнула дочь, отстраняясь и глядя мне в глаза. — Ты у меня топ. Просто он зажрался. Так, тетя Лена, наливайте кофе. У нас экстренное совещание.

Через полчаса мы сидели на кухне. Аня слушала рассказ

про вчерашний вечер, жуя бекон, и ее лицо становилось все мрачнее. Но когда речь зашла про отель, она перестала жевать.

— Подожди, — она отложила вилку. — Ты хочешь сказать, что ты оплатила «Серебряный Бор» со своей карты? Триста пятьдесят тысяч? И вы собираетесь просто подарить эти бабки отелю?

— Ну, я не хочу туда ехать... — проямлила я. — Там будут люди, семьи...

— Мама! — Аня стукнула ладонью по столу так, что подпрыгнула солонка. — Ты себя слышишь? Ты оплатила люкс. Самый дорогой в области. И ты хочешь отдать его кому? Папе? Чтобы он туда свою мымру привез?

— Бронь на мое имя, — вставила Ленка, подмигивая.

— Вот именно! — подхватила Аня. — Мы едем. По-любому едем. Я как раз новый борд хотела обкатать, а там склоны шикарные.

— Я не могу, Ань... Я буду там выглядеть жалко. Брошенная жена с подругой и дочкой.

— Ты будешь выглядеть жалко, если останешься здесь киснуть в этом халате, — жестко сказала дочь. — А там ты будешь MILF. Знаешь, что это такое?

— Догадываюсь, — буркнула я.

— Мама, мы едем. Это не обсуждается. Мы устроим им такой Новый год, что папаша поседеет во второй раз. Собирайся. Нам нужен шоппинг. Тебе нужна не просто одежда,

тебе нужна броня.

Торговый центр встретил нас суетой и песней «Last Christmas», от которой меня уже начинало потряхивать.

Мы шли втроем: Ленка — как ледокол, расталкивающий толпу, Аня — как стильный навигатор, и я — как пленный, которого ведут на казнь. Я прятала глаза за темными очками, боясь встретить знакомых.

— Сначала белье, — скомандовала Аня, таща меня к витрине «Agent Provocateur» (или чего-то похожего, но очень дорогого). — Все эти твои хлопковые трусы «неделька» сжигаем ритуально.

— Ань, это слишком дорого, — попыталась сопротивляться я, глядя на ценник крошечного кусочка кружева. — И неудобно.

— Зато эффективно, — парировала Ленка. — Комфорт оставим для пенсии. Сейчас нам нужно оружие массового поражения.

Внутри бутика пахло дорогими духами и пороком. Продащицы, похожие на моделей, порхали между рядами с шелком и кружевом.

Я по привычке потянулась к вешалке с чем-то телесным и закрытым.

— Фу! — Аня выбила вешалку из моих рук. — Брось эту бабушкину радость. Мы берем вот это.

Она сунула мне в руки комплект: черный, полупрозрач-

ный, с какими-то сложными переплетениями лент и поясом для чулок.

— И вот это красное боди, — добавила Ленка. — Под цвет твоего вчерашнего настроения.

Меня втолкнули в примерочную.

Я разделась, стараясь не смотреть в зеркало. Натянула на себя черное кружево. Оно было колючим, непривычным, слишком откровенным. Я чувствовала себя голой.

— Ну как там? — крикнула Аня из-за шторы. — Выходи, мы заценим!

— Не выйду! Я похожа на стареющую куртизанку!

— Выходи, Вишневская, не беси меня! — рявкнула Ленка.

Я вздохнула, накинула халатик (не завязывая) и отодвинула бархатную штору.

Подруга и дочь замолчали.

Ленка присвистнула. Аня одобрительно кивнула.

— Мам, — сказала дочь серьезно. — Ты вообще понимаешь, что ты огонь? Папа реально идиот.

Я повернулась к большому зеркалу в торговом зале. Свет здесь был выставлен идеально, не то что в моей ванной.

Из зазеркалья на меня смотрела женщина.

Не «мать семейства», не «логопед», не «удобная жена».

У этой женщины была высокая грудь, подчеркнутая черным кружевом. Тонкая талия (спасибо генетике и отсутствию аппетита). Длинные ноги в чулках. Да, кожа была не

такой упругой, как в двадцать, но в ней была какая-то... зрелая, дорогая красота. Порода.

Я вдруг поняла, что Демид не видел меня такой лет десять. Не потому что я пряталась, а потому что он перестал смотреть. Он видел во мне функцию. А я поверила ему и перестала видеть женщину в себе.

Я расправила плечи. Подняла подбородок.

— Берем, — сказала я своему отражению. — И красное тоже. И чулки. Две пары.

Вечером квартира напоминала штаб перед высадкой десанта. Чемоданы были раскрыты, повсюду валялись новые платья, косметика, коробки с обувью.

Мы собирались молча, сосредоточенно.

Я складывала в чемодан свои новые трофеи: изумрудное платье с открытой спиной (Аня настояла), кашемировый костюм для прогулок (Ленка выбрала), то самое белье.

На комод, среди флаконов с духами, стояла фотография в рамке. Мы с Демидом в Париже, пять лет назад. Счастливые, улыбающиеся. Он держит меня за талию так крепко, будто никогда не отпустит.

Рука дрогнула. Захотелось схватить телефон. Позвонить. Сказать: «Дёма, давай все забудем. Возвращайся. Я прощу».

В этот момент мой телефон, лежащий на кровати, звякнул.

Я вздрогнула. Сердце прыгнуло в горло. Он?

Но экран загорелся уведомлением не у меня, а у Ани, которая сидела в кресле с планшетом.

— О, — сказала дочь безразлично. — Папа объявился.

— Что пишет? — я замерла с платьем в руках.

— Не пишет. Деньги перевел. Пятьдесят тысяч. И приписка: «С Новым годом, доча. Прости, папа очень занят, встретимся после праздников».

Внутри что-то оборвалось. С тонким, звенящим звуком лопнула последняя струна, которая связывала меня с прошлым.

Он не написал мне ни слова. Ни «прости», ни «как ты», ни даже «верни мультиварку». Он просто откупился от дочери, чтобы совесть не мучила, и вычеркнул меня, как досадную ошибку в бухгалтерском отчете.

Он был «очень занят». Я знала, чем он занят. Он собирал чемоданы в МОЙ отель.

Я подошла к комоду. Взяла рамку с фотографией.

Париж, Эйфелева башня, наши улыбки. Ложь. Все это было ложью.

Я перевернула рамку лицом вниз. Стекло глухо стукнуло о дерево.

— Я готова, — сказала я. Голос был твердым. — Грузимся.

На улице было темно. Крупные хлопья снега падали в свете фонарей, создавая ту самую новогоднюю сказку, в кото-

рую я больше не верила.

Мы загрузили чемоданы в багажник моего «РАВа». Ленка села за руль — она решила ехать на моей машине, чтобы мы могли выпить шампанского в дороге (пассажирами, конечно), а свою оставить у меня во дворе. Аня оккупировала заднее сиденье с наушниками.

Я села на пассажирское, пристегнула ремень.

Окна моей квартиры на семнадцатом этаже были темными. Черные глазницы в сияющем фасаде дома. Там, наверху, осталась моя прошлая жизнь. Моя утка в мусорном ведре. Моя наивность.

Ленка завела мотор.

— Ну что, Вишневская? — она хищно улыбнулась, поправляя зеркало заднего вида. — Готова испортить бывшему праздник?

Я надела темные очки, купленные сегодня. Глупо? Возможно. Но они помогали мне чувствовать себя не брошенной женой, а героиней боевика.

— Я готова стать его худшим кошмаром, Лен, — ответила я, глядя, как снежинки тают на лобовом стекле. — Погнали.

Машина тронулась, выезжая со двора. Впереди нас ждали сто километров заснеженной трассы, элитный отель и война, которую Демид Вишневский проиграет, даже не успев понять, что она началась.

Глава 6 (Демид)

от лица Демиды

Проснулся я от того, что спина выла белугой.

Я попытался повернуться на бок, но матрас подо мной прогнулся, как гамак. Дешевая пружина предательски впи-лась мне в ребро, намекая, что ортопедические чудеса оста-лись в прошлой жизни. Я открыл глаза и несколько секунд тупо пялился в потолок.

На нем была трещина. Кривая, похожая на молнию, ползу-щая от люстры с пластиковыми висюльками к углу, где тем-нело пятно от старой протечки.

Где я?

Память услужливо подкинула картинки вчерашнего вече-ра. Скандал. Вино на пиджаке. Полет моих трусов на лест-ничную площадку. И эта фурия, моя жена, которая вдруг ре-шила поиграть в королеву драмы.

Я в квартире Кристины.

— Свобода, — прохрипел я, пытаюсь убедить себя, что именно этого я и хотел.

Я повернул голову. Рядом, оккупировав девяносто про-центов кровати и все одеяло, спала Кристина. Она лежала на животе, раскинув руки, и тихо посапывала. Сквозь спутан-ные светлые волосы виднелась родинка на шее.

Красивая. Молодая. Свежая.

Я протянул руку, чтобы коснуться ее плеча, получить свою порцию утренней нежности, ради которой, собственно, всё это и затевалось. Но рука повисла в воздухе.

В комнате пахло не лавандой и свежестью, как дома, а какой-то смесью дешевых благовоний, вчерашней пиццы и лаком для волос. На полу, прямо у кровати, валялись ее джинсы, вывернутые наизнанку, мои носки (спасибо Полине, что хоть их положила) и коробка с надписью «Пепперони».

«Творческий беспорядок», — поморщился я. Молодость — она такая. Хаотичная. Это Полина у меня была помешана на чистоте, ходила с тряпкой, как маньячка. А здесь — жизнь. Драйв.

Я сел, свесив ноги с кровати. Поясницу прострелило так, что я зашипел. Сорок восемь лет — это, конечно, самый расцвет сил, но спать на продавленном диване из «Икеи» десятилетней давности мой организм был не готов.

Надо выпить кофе. Кофе все исправит.

Я встал, перешагнул через гору вещей и поплелся на кухню. Квартира у Кристины была студией — модно, молодежно, но по факту — клетушка, где кухня плавно перетекала в спальню.

В раковине высилась Эверестом грязная посуда. Две кружки с засохшими ободками, тарелки с остатками соуса, ложки... Я брезгливо отодвинул какую-то сковородку.

— Так, где тут у нас кофемашина? — пробормотал я, открывая шкафчики.

Пусто. Пачка макарон, початая бутылка масла, чипсы. Никакой кофемашины Jura, которая дома по одному нажатию выдавала идеальный крем.

На полке сиротливо жалась банка растворимого «Нескафе».

Я взял банку, повертел в руках. Серьезно? Растворимый? Я не пил эту бурду лет пятнадцать.

— С милым рай и в шалаше, Вишневский, — зло усмехнулся я, ставя чайник. Электрический чайник был весь в накипи.

Ладно. Это временно. Мы сейчас поедem в отель, там будет нормальный сервис. А потом я сниму нам хорошую квартиру. Или куплю. Когда разберусь с проверками в налоговой.

Я насыпал коричневый порошок в единственную чистую (относительно) кружку, которую нашел в недрах шкафа, и залил кипятком. Сделал глоток. Горячая, кислая жижа обожгла язык.

Настроение, и без того паршивое, рухнуло ниже плинтуса.

В этот момент в «спальной зоне» зашевелилось одеяло.

— Дём... — раздался капризный, сонный голос. — Ты чего гремишь?

Кристина села на кровати, потирая глаза. На ней была моя футболка, которая ей была велика размера на три. Одно плечо сползло, обнажая грудь. Картинка была сексуальной, спору нет. Но лицо у моей музы было опухшим, а под глазами залегли тени. Без фильтров в Инстаграме и слоя тонального

крема она выглядела... обычной.

— Прости, малыш, — я постарался придать голосу бодрости. — Кофе искал. У тебя есть сливки?

— Не-а, — она зевнула, широко открывая рот. — Я не пью кофе, только энергетики. Закажи доставку, а? Я жрать хочу, умираю. Из «Яндекс.Лавки» круассаны и авокадо. И сырники.

Она не спросила, как я спал. Не вскочила, чтобы приготовить мне завтрак, как это делала Полина, даже если мы ссорились. Она просто дала команду.

«Она не прислуга, Демид, — одернул я сам себя. — Она женщина-муза. Ты же этого хотел? Равноправия, свободы от борщей?»

— Хорошо, — кивнул я, беря телефон. — Закажу.

Пока я тыкал пальцами в экран, выбирая сырники, Кристина пошлепала в ванную. Дверь она за собой плотно не закрыла, и я слышал все звуки утреннего туалета. Романтика, черт бы ее побрал.

Я открыл новости. Доллар скачет, партнеры молчат. От Полины — ни звонка, ни смс.

Это бесило больше всего. Я был уверен, что к утру она остынет. Что проснется в пустой квартире, испугается одиночества и начнет строчить сообщения: «Прости, погорячилась, возвращайся».

Но телефон молчал, как партизан.

Неужели она серьезно? Выгнала меня? Меня, который со-

здал ей эту сказочную жизнь?

— Ну и дура, — пробормотал я, отхлебывая противный кофе. — Посидишь одна на Новый год, завоешь. Сама прибежишь.

Из ванной вышла Кристина, уже немного посвежевшая. Она плюхнулась мне на колени, обвила руками шею.

— Дёмчик, а мы во сколько выезжаем? — она потерлась носом о мою щеку. Щетина кололась, но она терпела. — Мне надо еще собраться, голову помыть...

— Куда? — я на секунду завис, разглядывая грязное пятно на скатерти.

— В смысле куда? — она отстранилась, надув губы. — В «Серебряный Бор»! Ты же обещал! Люкс, камин, джакузи, лыжи! Я уже всем подружкам растрепала, что мы едем в сказку.

Я сглотнул. Отель.

Твою мать.

Ситуация была патовая. Номер был забронирован. Но оплачивала его Полина со своей карты. Точнее, с карты, которая формально была на ее имя, но деньги-то там были... ну, семейные. Мои, по сути. Я же глава семьи.

С другой стороны, сейчас у меня на счетах был голяк. Налоговая заморозила основные активы до десятого января. Свободного кэша — кот наплакал. Снять новый номер за триста кусков я сейчас просто не потяну, не влезая в долги.

А Кристина смотрела на меня своими огромными куколь-

ными глазами, в которых уже начинали собираться слезы разочарования.

— Дём, ты что, не забронировал? — ее голос задрожал. — Ты обещал! Мы же не будем тухнуть в этой квартире на Новый год?

Представить себе Новый год здесь, среди грязных тарелок и коробок из-под пиццы, было выше моих сил. Я заслужил праздник. Я пахал весь год как проклятый.

И потом... Полина точно не поедет. Она сейчас сидит дома, жалеет себя, доедает ту утку и рыдает в подушку. Она гордая, но трусливая. Она не попрется в отель одна.

Значит, номер пропадает?

— Конечно, едем, — я улыбнулся своей фирменной улыбкой «у меня все под контролем». — Просто задумался о делах. Собирайся, принцесса. Будет тебе джакузи.

Кристина взвизгнула, чмокнула меня в нос и умчалась к шкафу, начав выкидывать оттуда ворох ярких тряпок.

— Так, мне надо три платья... Нет, пять! И шубу выгулять! Дём, а ты мне поможешь чемодан закрыть?

Я вздохнул и встал. Мне нужно было одеться.

Я подошел к черной спортивной сумке, которую вчера швырнула в меня жена. Она валялась в углу, расстегнутая, жалкая.

Я достал рубашку. Голубую, свою любимую.

Она выглядела так, будто ее жевала корова. Вся в мелких заломах, воротник помят. Полина просто скомкала ее и бро-

сила. Раньше мои рубашки висели в шкафу, идеально отглаженные, хрустящие.

— Черт, — выругался я. — Крис, у тебя утюг есть?

— Где-то был, — отозвалась она из недр гардероба. — На подоконнике посмотри. Только он плюется водой, аккуратно.

— А доска?

— Да на столе погладь, подстели полотенце. У меня доски нет, я ж не бабушка, чтоб наглаживать.

Я стиснул зубы.

Через пять минут я, генеральный директор сети автосервисов, стоял у кухонного стола, подстелив под рубашку вафельное полотенце с пятнами от кофе, и водил дешевым утюгом по ткани. Утюг действительно плевался рыжей накипью.

— Твою мать! — заорал я, когда горячая капля попала мне на палец.

— Тихо ты, я сторис записываю! — шикнула на меня Кристина, позируя перед зеркалом с телефоном. — «Всем приветики, мы собираемся в зимнюю сказку...»

Меня захлестнула волна раздражения.

Полина никогда бы так не сказала. Полина бы забрала у меня утюг, сама бы все погладила, еще и подула бы на обожженный палец.

«Хватит сравнивать, — приказал я себе. — Ты выбрал огонь. Терпи ожоги».

Я надел рубашку. Складки остались, но под джемпером будет не видно. Джемпер, кстати, тоже был мятый, но кашемир хотя бы расправится на теле.

В кармане джинсов вибрировал телефон. Напоминание календаря: «12:00. Прилет Ани».

Дочь.

Я замер с носком в руке. Анька прилетает сегодня. Я обещал ее встретить.

Но как я поеду в аэропорт? Что я ей скажу? «Привет, дочь, знакомься, это Кристина, она на три года старше тебя, мы едем трахаться в отель, а мама дома плачет»?

Нет. Встречаться с Аней сейчас я не готов. У нее характер матери, только еще жестче. Она устроит скандал, испортит настроение. Мне и так хватило вчерашнего вечера.

Я открыл приложение банка.

На карте болталось сто пятьдесят тысяч. Остатки роскоши. Если мы едем в отель, там будут расходы: рестораны, ски-пассы, Кристина захочет спа...

Я поколебался секунду. А потом решительно вбил сумму: 50 000.

Получатель: *Анна Демидовна В.*

Перевести.

В поле сообщения я быстро набил: «С Новым годом, доча. Прости, папа очень занят по бизнесу, встретить не смогу. Возьми такси. Встретимся после праздников, куплю тебе подарок. Люблю».

Отправить.

А Полине?

Палец завис над контактом жены. Может, кинуть ей хоть десятку? На продукты?

«Нет, — решил я. — Она меня выгнала. Она меня унизила. Пусть сидит без денег. Поймет, кто в доме кормилец. Пусть поест пустую гречку, полезно для фигуры».

Я закрыл приложение. Совесть кольнула где-то под ребром, но я заглушил ее мыслью о том, что я, вообще-то, мужик, и имею право на личную жизнь.

— Я готова! — объявила Кристина.

Она стояла посреди комнаты в окружении трех (трех, Карл!) чемоданов. На ней была белая пушистая шубка, белые угги и розовые наушники на шее. Она сияла.

— Ты сколько набрала? — ужаснулся я. — Мы едем на три дня!

— Ну мне же надо контент пилить! — удивилась она. — Дём, не будь занудой. Тащи чемоданы.

Я вздохнул, подхватил два самых тяжелых чемодана (что она туда положила? Кирпичи?) и потащил их к выходу. Спина снова отозвалась прострелом.

Мы спустились к машине. Мой черный «Ленд Крузер» стоял во дворе, занесенный снегом. Я счищал снег щеткой, пока Кристина сидела в теплой машине и выбирала музыку.

— Ну все, погнали! — скомандовала она, когда я, мокрый и злой, плюхнулся на водительское сиденье.

Она врубилась какой-то современный рэп, от которого у меня завяли уши.

— Крис, может, радио «Джаз»? — попросил я.

— Фу, это для стариков! — фыркнула она. — Давай вселиться!

Я посмотрел на нее. Красивая. Глупая. Моя.

Я посмотрел в зеркало заднего вида. Мое лицо выглядело уставшим, мешки под глазами не украшали, но я натянул на лицо улыбку победителя.

Я еду в лучший отель области. С молодой любовницей. На дорогой машине.

Полина осталась в прошлом. В своей стерильной квартире, со своей кислой миной и борщами. Я вырвался. Я свободен.

— Погнали, — сказал я и вдавил педаль газа.

Машина взревела и рванула с места, разбрызгивая грязный снег.

Впереди был «Серебряный Бор». Впереди была сказка. И я даже не подозревал, что в этой сказке роль злого волка уже занята, а роль Красной Шапочки мне совсем не подойдет.

Но пока я чувствовал себя королем мира. Королем, у которого, правда, адски болела спина и жгло палец от ожога дешевым утюгом.

Глава 7

Трасса стелилась под колеса черной лентой, разрезая заснеженный лес пополам. Свет фар выхватывал из темноты мохнатые лапы елей, похожие на сказочных чудовищ, готовых прыгнуть на капот.

Ленка гнала так, будто мы уходили от погони после ограбления банка. Стрелка спидометра моего «РАВа» подрагивала на отметке сто тридцать.

— Лен, потише, — попросила я, вжимаясь в кожаное сиденье. — Мы не на гонках.

— Мы хуже, — отозвалась подруга, не отрывая взгляда от дороги. — Мы — карательный отряд. А карательный отряд опаздывать не должен. Надо занять высоту до прихода основных сил противника.

С заднего сиденья донеслось ритмичное «дуц-дуц-дуц» — музыка из наушников Ани пробивалась даже сквозь шум мотора. Дочь сидела, уткнувшись в телефон, и ее спокойствие бесило и восхищало одновременно.

Я сняла темные очки. В салоне было темно, только приборная панель светилась ядовито-зеленым. Этот свет делал лицо Ленки хищным, а мое в отражении бокового стекла — мертвенно-бледным.

Внутри меня все дрожало. Тот самый «боевой дух», который поднялся после покупки кружевного белья, сейчас сду-

вался, как пробитый шарик.

Что я делаю?

Я, Полина Вишневская, приличная женщина, педагог, мать, еду за сто километров от города, чтобы устроить скандал в отеле. Я еду туда, где должна была быть счастлива с мужем, чтобы смотреть, как он привезет туда другую.

Это мазохизм. Это глупость.

— Может, развернемся? — жалко пискнула я. — Лен? Ну правда. Зачем нам это? Пусть подавится он этими деньгами. Я не хочу его видеть. Я боюсь, что... что я расплачусь. Или начну умолять.

Ленка резко ударила по тормозам перед камерой фиксации скорости. Меня качнуло вперед.

— Вишневская, отставить панику! — рывкнула она. — Ты не будешь умолять. Ты будешь сиять. Мы едем не к нему. Мы едем отдыхать. За твои, между прочим, бабки.

— Мам, расслабь булки, — подала голос Аня, снимая один наушник. — Ты выглядишь как шпионка в тылу врага, которую вот-вот раскусят. Включи режим «богиня». Ты в «Кашемире и Шелке» одета, а не в секонд-хенде. Соответствуй.

Я поправила воротник нового пальто. Оно действительно было шикарным — цвет «кэмел», мягкое, дорогое. Но я чувствовала себя в нем самозванкой. Будто надела чужой костюм на школьный утренник.

Впереди показались огни.

Много огней.

Эко-отель «Серебряный Бор» оправдывал свое название и ценник. Огромные кованые ворота, увитые гирляндами, сияли, как вход в Диснейленд. Охрана в строгой форме, шлагбаум, вычищенная до асфальта дорога.

Мы въехали на территорию.

Здесь пахло деньгами. Большими деньгами. Вдоль аллеи стояли огромные деревянные срубы-шале, каждый размером с хороший загородный дом. Между ними петляли дорожки, подсвеченные фонариками. Играла тихая музыка — какой-то джазовый кавер на рождественские хиты.

Парковка была забита под завязку. Porsche Cayenne, Range Rover, BMW X7. Мой пятилетний «РАВ4» здесь смотрелся бедным родственником, которого пустили погреться.

Ленка виртуозно втиснулась на последнее свободное место между огромным «Гелендвагеном» и сугробом.

— Приехали, девочки. Выгружаемся.

Я открыла дверь. Морозный воздух ударил в лицо, смешанный с запахом дыма от каминов, хвои и дорогого табака.

Вокруг ходили люди. Красивые, успешные люди. Вот мимо прошла пара: мужчина в горнолыжном костюме Voegner бережно поддерживал под локоть женщину в соболиной шубе. Она смеялась, запрокинув голову, ловя снежинки ртом. Они выглядели счастливыми. У них был праздник.

У меня внутри все сжалось.

Еще три дня назад я представляла, как мы с Демидом так

же пойдем по этой дорожке. Как он будет держать меня за руку, как мы будем пить глинтвейн...

— Мам, не зависай, — Аня сунула мне в руку ручку чемодана. — У них ипотека и любовницы, инфлация сотка. Пошли, нас ждет джакузи.

Мы двинулись к главному корпусу — величественному зданию из бруса и стекла, похожему на терем олигарха. Колесики чемоданов грохотали по брусчатке, отбивая ритм моего сердцебиения.

Лобби отеля встретило нас теплом и роскошью, от которой рябило в глазах.

Потолок уходил ввысь метров на десять. Посреди холла стояла живая ель исполинских размеров, украшенная золотыми шарами и бантами. В огромном камине трещали поленья. За роялем сидел тапер и наигрывал что-то ненавязчивое.

На диванах сидели гости, попивая коктейли. Дамы в бриллиантах (даже на отдыхе!), мужчины с часами по цене квартиры. Ярмарка тщеславия в самом разгаре.

Я инстинктивно вжала голову в плечи. Мне казалось, что у меня на лбу бегущей строкой горит: «Брошенная жена. Приехала скандалить».

— Вау, — оценила Аня, оглядываясь. — А тут ниче так. Папаша губу не дура, знает толк в локациях.

Она тут же достала телефон и начала делать селфи на фоне елки, принимая модельные позы.

— Мам, встань сюда. Улыбайся! Мы счастливы, мы богаты, мы на отдыхе!

Я выдавила из себя подобие улыбки. Щелчок камеры.

— Пошли на ресепшен, — скомандовала Ленка, поправляя свою шубу. — Сейчас будет смертельный номер.

Мы подошли к стойке регистрации. За ней стоял молодой парень с идеальной укладкой и бейджиком «Арсений».

— Добрый вечер! Добро пожаловать в «Серебряный Бор», — улыбнулся он дежурной, но приятной улыбкой. — У вас бронь?

— Да, — мой голос дрогнул, и я мысленно дала себе пощечину. Соберись, тряпка! — Вишневская. Полина Вишневская.

Арсений застучал пальцами по клавиатуре. Секунды тянулись, как резина.

А вдруг Демид отменил бронь? Вдруг он позвонил и переписал номер на себя? Вдруг денег не хватило?

У меня вспотели ладони. Я вцепилась в край стойки, чтобы не упасть.

— Да, вижу, — кивнул администратор. — Люкс Премиум с двумя спальнями и камином. Бронь оплачена полностью.

Я выдохнула так громко, что Ленка пихнула меня локтем в бок.

— Госпожа Вишневская, — продолжил Арсений, глядя в монитор. — В брони указан второй гость... Господин Вишневский Демид. Он подъедет позже? Нам нужно будет его

зарегистрировать.

Вот он. Момент истины.

Я открыла рот, но слова застряли в горле. Что сказать? Что мы разводимся? Что он приедет с любовницей?

— Господин Вишневский не приедет, — вмешалась Ленка. Её голос звучал уверенно, с нотками барской лени. — У него... производственная травма. На лыжах катался, ногу подвернул. Бедняга.

— О, мне очень жаль, — вежливо отозвался администратор, хотя ему было глубоко плевать.

— Поэтому вместо него заселяемся мы, — Ленка широким жестом указала на себя и Аню. — Дамский клуб. Доплату за дополнительное место и завтраки сейчас внесем. Карты принимаете?

— Разумеется. Ваши паспорта, пожалуйста.

Я протянула документы. Через минуту у меня в руках были три электронных ключа-карты в золотистых конвертах.

— Ваш номер на третьем этаже, вид на лес. Приятного отдыха.

Мы отошли от стойки. Я чувствовала, как по спине струится холодный пот, но на лице уже начала проступать улыбка. Нервная, злая, но улыбка.

— Ну что? — шепнула Ленка. — Первый раунд за нами. Номер наш.

— Пошли смотреть хоромы за триста пятьдесят штук, — хмыкнула Аня, подхватывая чемодан.

Лифт, отделанный зеркалами и кожей, поднял нас на третий этаж. Коридоры были устланы мягким ковровым покрытием, который глушил шаги.

Номер 305.

Я приложила карту. Замок пискнул зеленым огоньком. Дверь открылась.

Мы вошли и замерли.

Это был не просто номер. Это была квартира, о которой можно только мечтать. Огромная гостиная с высокими потолками и панорамными окнами во всю стену. Настоящий деревянный камин, в котором уже были сложены дрова. Мягкие диваны, шкуры на полу. Две спальни с кроватями King Size.

И терраса. Огромный балкон с видом на заснеженные ели, где парило, булькая, персональное джакузи.

— Охренеть, — резюмировала Аня, бросая сумку на диван. — Мам, респект. Папа реально хотел шикануть.

Я прошла в главную спальню. Ту, которая предназначалась для «супругов».

Огромная кровать была застелена белоснежным бельем. А сверху...

Сверху, в форме сердца, были выложены лепестки красных роз. А на тумбочке стояло ведро со льдом и бутылка шампанского — комплимент от отеля.

Меня накрыло.

Я представила, как Демид заводит сюда Кристину. Как она

визжит от восторга, увидев эти розы. Как они падают на эту кровать, на эти лепестки... За мои деньги.

Ярость, горячая и ослепляющая, ударила в голову.

Я подлетела к кровати и резким движением смахнула лепестки на пол.

— Убрать! — выдохнула я. — Убрать этот мусор! Чтобы духу здесь этого не было!

— Мам, спокойно, — Аня подошла и пнула кучку лепестков ногой. — Сейчас все уберем. Это теперь наша берлога. Лен, открывай шампанское. Нам нужно снять стресс.

Через двадцать минут номер преобразился. Розы были безжалостно смыты в унитаз. Наши вещи разбросаны по креслам. Музыка играла из портативной колонки Ани.

На часах было восемь тридцать вечера.

Я стояла на террасе, кутаясь в пальто (выходить раздетой было холодно, несмотря на жар от джакузи). В руке у меня был бокал с ледяным брютотом.

Внизу, у парадного входа, царило оживление. Машины подъезжали и отъезжали. Швейцары в ливреях таскали багаж.

И тут я увидела его.

Черный, массивный, хищный «Ленд Крузер» с знакомыми номерами «777». Он медленно подкатил к крыльцу, расталкивая такси.

Сердце ухнуло и остановилось.

Водительская дверь открылась. Вышел Демид. Даже с тре-

тьего этажа я видела, что он напряжен. Он что-то сказал швейцару, небрежно бросил ключи.

Затем он обошел машину и открыл пассажирскую дверь.

Из салона показалась сначала нога в белом сапоге-угги, потом — облако белого меха. Кристина. В короткой шубке и розовых наушниках на шее. Она выпорхнула из машины, сразу же достала телефон и начала снимать сторис, крутясь на фоне входа.

Демид стоял рядом, доставая чемоданы из багажника. Один, второй, третий... Он выглядел уставшим грузчиком при капризной принцессе.

Я сделала глоток шампанского. Пузырьки больно укололи горло.

Они здесь. Они приехали. Они уверены, что их ждет рай.
— Мам? — Аня вышла на террасу, встала рядом. — Это они?

— Они, — кивнула я, не отводя взгляда от фигурок внизу.

— Ну что, — дочь положила руку мне на плечо. — Начнется самое интересное. Ты готова?

Я посмотрела на мужа, который сейчас, пыхтя, тащил чемоданы своей любовницы ко входу, предвкушая горячий секс и мягкую постель. Ту самую постель, на которой сейчас лежала моя сумочка.

Страх ушел. Осталось только холодное, звенящее предвкушение.

— Готова, — сказала я.

Я допила шампанское залпом, поставила бокал на перила и вернулась в комнату.

Пододвинула тяжелое кресло так, чтобы оно стояло прямо напротив входной двери. Села. Закинула ногу на ногу, поправив разрез на юбке. Расправила плечи.

— Девочки, — сказала я громко, перекрывая музыку. —
Музыку потише. Свет приглушить.

Ленка и Аня переглянулись и выполнили команду.

Я сложила руки на коленях, чувствуя себя королевой, которая ждет аудиенции с провинившимся вассалом.

— Шоу начинается, — произнесла я в тишину номера. —
Занавес.

В коридоре слышались шаги. И знакомый голос Демида:

— Да подожди ты, сейчас заселимся, я устал как собака...

Зуммер электронного замка пискнул. Ручка двери дернулась вниз.

Дверь начала открываться.

Глава 8

Красный огонек на электронном замке мигнул злобно и категорично, как глаз терминатора.

Демид дернул ручку еще раз. Потом еще. Дверь, обитая дорогим шпоном, стояла насмерть.

— Дём, ну что там? — заныла Кристина у меня за спиной.
— Я в туалет хочу, сил нет. И холодно здесь в коридоре.

— Подожди, — прорычал он, чувствуя, как закипает раздражение. — Карта размагнитилась, походу. Или замок глючит.

Он ударил кулаком в дверь. Глухо.

— Эй! — крикнул он, наклоняясь к замочной скважине (которой не было, был только считыватель). — Есть там кто? Горничная!

За дверью было тихо. Но это была не пустая тишина. Демид, проживший полжизни на стройках и в автосервисах, кожей чувствовал присутствие. Там, за этой преградой, кто-то был.

— Пошли вниз, — он резко развернулся, чуть не сбив Кристину с ног чемоданом. — Разнесу эту богадельню. Платишь такие бабки, а у них замки китайские.

— Ну во-о-от, — протянула Кристина, семена за ним на своих высоких каблуках. — А ты говорил, тут сервис...

Они вошли в лифт. Демид видел свое отражение в зер-

кальной стене кабины: помятая рубашка, красные от недосыпа глаза, взъерошенные волосы. Рядом Кристина поправляла макияж, надувая губы.

«Ничего, — успокаивал он себя. — Сейчас я устрою разнос администратору, нам дадут комплимент от отеля, бутылку "Вдовы Клико", и вечер будет спасен».

Лифт дзынькнул, открывая двери в сияющий холл.

Мы сидели в лобби-баре, скрытые высокой спинкой бархатного дивана и раскидистой пальмой в кадке. Отсюда открывался идеальный обзор на стойку регистрации, но нас заметить было сложно.

— Идут, — шепнула Аня, глядя поверх меню коктейлей. — Папа похож на бульдога, у которого украли кость.

Я сделала глоток воды с лимоном. Алкоголь мне был больше не нужен, меня пьянил адреналин.

Демид промаршировал через весь холл, волоча за собой чемоданы. Колесики грохотали по мрамору, заглушая звуки рояля. Кристина, цокая каблуками, едва поспевала за ним, на ходу снимая сторис: «Небольшие технические шоколадки, мои хорошие, но сейчас мой тигр все решит».

Тигр подошел к стойке и с размаху хлопнул ладонью по полированному дереву.

— У вас что, система полетела? — рывкнул он так, что пожилая пара у камина вздрогнула. — Я полчаса долблюсь в триста пятый номер! Карта не работает!

Арсений, наш ангел-хранитель с бейджиком, даже бровью не повел.

— Добрый вечер еще раз, господин Вишневский. Позвольте вашу карту.

Демид швырнул пластик на стойку.

— Проверяйте! И организуйте нам носильщика, почему я сам должен багаж таскать?

Арсений вставил карту в считыватель, посмотрел на монитор и поднял на моего мужа взгляд, полный профессионального сочувствия.

— С картой все в порядке, господин Вишневский. Просто она аннулирована.

— В смысле аннулирована? — Демид подался вперед, нависая над парнем. — Ты знаешь, кто я? Я оплатил этот люкс месяц назад!

— Вижу, — кивнул администратор. — Бронь на номер триста пятьдесят пять. Люкс Премиум. Основной гость — госпожа Полина Вишневская. Она заехала час назад и не давала распоряжения на выдачу дубликатов ключей третьим лицам.

В холле повисла тишина. Тапер за роялем перестал играть, почувствовав, что драма у стойки интереснее ноктюрна Шопена.

— Кто заехал? — переспросила Кристина, высовываясь из-за плеча Демиды. — Какая Полина? Дём, ты же сказал, она дома сидит!

Демид стоял с открытым ртом, похожий на выброшенную на берег рыбу. Его лицо начало наливаться нездоровой краснотой.

— Это ошибка, — прохрипел он. — Какая Полина? Она в городе. Дайте мне мастер-ключ. Я муж! Я требую доступа в свой номер!

— Сожалею, но это невозможно, — Арсений был непреклонен, как скала. — Правила отеля. Конфиденциальность гостя.

— Какая к черту конфиденциальность?! — заорал Демид, теряя остатки самообладания. — Я платил за этот банкет! Это мои деньги! Зовите управляющего!

— Девочки, — сказала я тихо, отставляя бокал. — Наш выход.

Мы поднялись с дивана.

Я поправила складки на юбке, расправила плечи и двинулась к стойке. Ленка и Аня шли по бокам, как верные телохранители. Я чувствовала себя так, будто иду по красной дорожке в Каннах, а не по ковролину подмосковного отеля.

Каблуки моих новых туфель гулко стучали по мрамору.

Демид услышал этот звук. Он обернулся.

Сначала он увидел Ленку в ее яркой шубе. Потом Аню. А потом его взгляд уперся в меня.

Я видела, как расширились его зрачки. Он привык видеть меня в домашнем костюме, с пучком на голове, уставшую, «удобную».

Сейчас перед ним стояла другая женщина. В изумрудном платье, которое облегалo фигуру как вторая кожа, с идеальной укладкой, с кроваво-красной помадой и взглядом, в котором больше не было ни капли любви. Только холодное презрение.

— Арсений, — произнесла я бархатным голосом, игнорируя мужа. — У вас все в порядке? Этот мужчина вас беспокоит? Может, вызвать охрану?

Челюсть Демида отвисла окончательно.

— Полина? — выдохнул он. — Ты... Ты что здесь делаешь?

— Отдыхаю, милый, — я улыбнулась ему одними губами. — Как и планировали. Серебряная свадьба, помнишь? Я решила не отменять праздник.

— Ты... — он задохнулся от возмущения. — Ты же... Ты должна быть дома!

— Кому должна? — я приподняла бровь. — Тебе? Я вернула тебе долг вчера, на лестничной клетке. Вместе с твоими трусами.

Кристина, которая до этого хлопала наращенными ресницами, вдруг очнулась. Она увидела во мне соперницу. И, как любая глупая женщина, решила пометить территорию.

— Дёма! — взвизгнула она, хватая его за локоть. — Кто это? Это твоя жена? Ты же сказал, она старая и страшная!

Ленка громко хмыкнула.

— А ты, деточка, я смотрю, молодая и смелая, — протя-

нула подруга, оглядывая Кристину с головы до ног с видом энтомолога, нашедшего жука в навозе. — Шубка из чебурашки не жмет?

— Это эко-мех! — огрызнулась Кристина.

— Эко-грех это, а не мех, — припечатала Ленка.

Демид наконец вышел из ступора. Он перевел взгляд на Аню, которая стояла чуть позади, скрестив руки на груди.

— Аня? — его голос дрогнул. — Доча? А ты... Ты что здесь делаешь? Я же тебе деньги перевел... В аэропорт не поехал, потому что занят был...

Это был удар ниже пояса. Он надеялся, что дочь не увидит его позора. Что он останется для нее «папочкой-бизнесменом», который просто много работает.

Аня смотрела на него с выражением брезгливости, смешанной с жалостью.

— Привет, пап, — сказала она спокойно. — Деньги пришли, спасибо. Как раз на ски-пасс хватит. А занят ты, я смотрю, сильно был. Это твой «бизнес-проект»? — она кивнула на Кристину. — Чет молодовата для совета директоров. Кринж, пап. Реальный кринж.

— Аня, не смей так разговаривать с отцом! — рявкнул Демид, пытаясь включить патриарха. — Это... Это моя личная жизнь! Вырастешь — поймешь!

— Да куда уж мне, — усмехнулась дочь. — Мне двадцать, ей, судя по утиным историям на лице, двадцать три. Мы с ней скорее подруги, чем мачеха и падчерица. Да, Крис? Тик-

токи вместе снимать будем?

Кристина покраснела пятнами.

— Я не тиктокерша! — взвизгнула она. — Я его женщина! Любимая!

— Женщина — это громко сказано, — вставила Ленка громогласно, так, чтобы слышал весь лобби. — Так, вахтовый метод. Смена сдал — смена принял.

Вокруг нас начали собираться зрители. Люди делали вид, что пьют коктейли или читают журналы, но все уши были повернуты в нашу сторону. Охрана отеля — два крепких парня в костюмах — сделала шаг ближе, оценивая уровень угрозы.

Демид понял, что теряет контроль над ситуацией. Он решил пойти ва-банк.

Он шагнул ко мне и больно схватил за локоть.

— А ну хватит цирка! — прошипел он мне в лицо. От него пахло потом и дешевым кофе. — Отдай ключ. Сейчас же. Не позорь меня перед людьми. Вали домой, пока я добрый.

Я посмотрела на его руку на моем локте. Потом в его глаза.

— Убери руки, — сказала я тихо.

— Ключ! — потребовал он, сжимая пальцы.

Я резко дернула рукой, освобождаясь от захвата.

— Ты не понял, Демид, — сказала я громко и четко. — Ты здесь никто. Бронь на мое имя. Оплата с моей карты. Той самой, на которой лежало наследство моего отца. Ты потратил свои деньги на брюлики для этой... дамы. А мои деньги

пошли на мой комфорт.

— Я муж! — заорал он. — У нас совместное имущество! Это мои деньги! Я их заработал!

— Докажи, — усмехнулась я. — В транзакции стоит мое имя. VISA Polina Vishnevskaya. Юридически ты здесь — просто гость с улицы, который пристаёт к порядочной женщине.

Охранник вежливо, но твердо взял Демиду под локоть.

— Мужчина, пожалуйста, не кричите. Вы мешаете гостям.

Демид стряхнул руку охранника, но отступил. Он понял, что силой здесь ничего не решишь. Он проиграл. И он это знал.

Но рядом стояла Кристина. И она не собиралась сдаваться так просто.

— Дёма! — заныла она, дергая его за рукав мятой рубашки. — Сделай что-нибудь! Я не поеду домой! Я уже настроилась! Я хочу в джакузи! Ты обещал!

Демид посмотрел на нее. Потом на меня — спокойную, красивую, недосыгаемую. Потом на Аню, которая снимала все это на телефон (для семейного архива, видимо).

Его эго металось в клетке, как раненая крыса. Уехать сейчас — значит признать поражение перед женой и дочерью. Остаться — значит унижаться. Но Кристина ныла, и это нытье было последней каплей.

— Хорошо, — он повернулся к администратору, пытаясь сохранить лицо. — Раз эти дамы, — он выплюнул это слово,

— решили устроить балаган, мы будем выше этого. Арсений, дайте мне другой номер.

— Какой категории? — уточнил Арсений, не моргнув глазом.

— Лучший! — рывкнул Демид. — Президентский люкс! Плевать на цену! Я хочу, чтобы у моей девушки был лучший вид в этом отеле!

Он демонстративно достал бумажник.

Арсений постучал по клавишам.

— Сожалею, господин Вишневский. Но на новогодние праздники у нас полная посадка. Все люксы заняты. Полулюксы тоже. Коттеджи выкуплены еще в октябре.

Демид застыл.

— Как заняты? Все?

— Абсолютно. У нас аншлаг.

Кристина начала всхлипывать. Тушь потекла по ее щекам.

— Дёма-а-а... Ну сделай что-нибудь! Ты же VIP-клиент!

Демид, красный как рак, посмотрел на администратора с надеждой утопающего.

— Хотя что-то есть? Любое? Мы устали с дороги, нам нужно где-то переночевать!

Арсений еще раз проверил базу.

— Есть один номер. Бронь слетела пол часа назад. Категория «Стандарт». Первый этаж.

— Берем! — быстро сказал Демид.

— Но я должен предупредить, — вежливо добавил адми-

нистратор. — Окна выходят на хозяйственный блок и зону разгрузки кухни. И он... довольно компактный.

— Плевать, — отрезал Демид. — Оформляйте.

Он достал карту. Свою. Личную. На которой, как я знала (спасибо уведомлениям, которые все еще приходили мне на почту), оставалось не так уж много после перевода Ане и покупки браслета.

Пик. Оплата прошла.

— Вот ваши ключи, — Арсений положил на стойку два скромных пластиковых прямоугольника. — Номер 104. Приятного отдыха.

Я не выдержала. Рассмеялась. Легко, звонко.

Это было полное, абсолютное фиаско. Мой муж, который привык к комфорту, к простору, к виду на горы, сейчас пойдет в каморку с видом на помойку, таща за собой три чемодана капризной любовницы.

— Приятного отдыха в «Стандарте», любимый, — сказала я, беря под руки Ленку и Аню. — Не забудьте попросить раскладушку. Кровати там узкие, а вас двое. А, и беруши. Мусоровоз приезжает в пять утра.

Демид посмотрел на меня взглядом, в котором ненависть мешалась с бессилием.

— Ты пожалеешь, Полина, — прошипел он.

— Я уже пожалела, — кивнула я. — Что потратила на тебя двадцать пять лет.

Я развернулась, взмахнув подолом изумрудного платья.

— Пойдемте, девочки, — громко сказала я. — Нас ждет джакузи и шампанское. А некоторых ждет романтический вид на мусорные баки.

Мы удалились в сторону лифтов под восхищенные взгляды персонала. Ленка показала Демиду воздушный поцелуй. Аня просто покачала головой, не переставая снимать.

А позади нас, посреди сияющего холла, остался стоять Демид Вишневский. С мятой рубашкой, истеричной любовницей и ключом от номера, в котором даже собаке было бы тесно.

Глава 9

Утро тридцатого декабря.

Я открыла глаза и несколько секунд не могла понять, где нахожусь. Огромный потолок, украшенный лепниной, тяжелые портьеры, сквозь щель в которых пробивался яркий, ослепительно-белый луч зимнего солнца.

Я потянулась, чувствуя, как хрустят простыни из египетского хлопка. Кровать King Size была необъятной. Я лежала посередине, раскинув руки, как морская звезда, и впервые за последние полгода не чувствовала себя лишней на собственной постели.

Никто не храпел под ухом. Никто не стягивал одеяло. Никто не дышал перегаром.

— Доброе утро, Ваше Величество! — дверь в спальню распахнулась с грохотом, достойным штурма Бастилии.

На пороге стояла Ленка. В шелковой пижаме, с тюрбаном из полотенца на голове и с подносом в руках.

— Сервис «Утешь разведенку» прибыл, — объявила она, ставя поднос мне на колени. — Кофе — черный, как душа твоего бывшего, круассан — горячий, как твой вчерашний гнев.

— Лен, ты сумасшедшая, — улыбнулась я, вдыхая аромат свежей выпечки. — Мы же могли пойти на завтрак.

— Пойдем, конечно. Но сначала допинг. Вставай, страна

огромная! Нам нужно выгулять наряды и посмотреть на побитых собак.

Из соседней спальни выглянула Аня, уже одетая в стильный лыжный костюм.

— Мам, подъем. Я чекнула сторис этой Кристины. Она постит фотки из туалета с подписью «Утро в раю», но геотег не ставит. Видимо, стыдно, что рай находится на первом этаже возле прачечной.

Я сделала глоток кофе. Он был идеальным.

Внутри шевельнулся червячок сомнения. А вдруг они уехали? Вдруг Демид психанул, собрал вещи и рванул в город? Или нашел другой отель?

— Они еще здесь? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

— Здесь, — успокоила меня Аня. — «Крузак» папин стоит на парковке, я видела с балкона. Его снегом завалило, он даже не прогрелся. Так что шоу продолжается.

Я встала. Подошла к зеркалу. На меня смотрела женщина с заломами от подушки на щеке, но с блеском в глазах. Вчерашний триумф в лобби действовал лучше любого крема.

— Дайте мне двадцать минут, — сказала я. — Мне нужно привести себя в порядок. Я не могу спуститься к завтраку просто красивой. Я должна быть безупречной.

Мы вышли из номера через полчаса. Я надела тот самый кашемировый костюм цвета «кэмел» и легкие замшевые ло-

феры (в отеле было тепло). Ленка была в ярко-синем платье-балахоне, Аня — в своем модном оверсайзе.

Мы шли по коридору третьего этажа, мягко ступая по ковровину. Здесь пахло чистотой и дорогим кондиционером.

Лифт приехал мгновенно. Зеркальная кабина мягко скользнула вниз.

— Готовность номер один, — скомандовала Ленка, когда табло показало цифру «1».

Двери разъехались.

Мы оказались в холле первого этажа, прямо напротив коридора, ведущего в крыло «Стандарт». И, по иронии судьбы (или по закону подлости), именно в этот момент из-за угла вырулила знакомая парочка.

Демид и Кристина.

Вид у них был такой, будто они ночевали не в отеле пять звезд, а на вокзале.

Демид был в той же мятой рубашке, что и вчера, только теперь на ней красовалось свежее пятно — видимо, от кофе. Под глазами залегли темные мешки, щетина на подбородке из благородной превратилась в неопрятную. Он шел, сутулясь и потирая поясницу.

Кристина выглядела еще хуже. Без боевого раскраса и фильтров она казалась бледной молю. Волосы были собраны в небрежный пучок, на лице — выражение вселенской скорби и злости. На ней был розовый велюровый костюм, который, кажется, вышел из моды лет пять назад.

Мы встретились в узком проходе перед входом в ресторанную зону.

Демид замер, увидев нас. Его взгляд метнулся по моему свежему лицу, по укладке, по спокойной улыбке. Он дернул кадыком.

— Доброе утро, — сказала я вежливо, как здороваются с дальними родственниками на похоронах.

Он буркнул что-то нечленораздельное.

Кристина же, увидев меня, вспыхнула. Вчерашнее унижение жгло её, и сейчас, столкнувшись со мной нос к носу, она решила отыграться.

Она демонстративно пошла вперед, прямо на меня, не собираясь уступать дорогу.

— Можно пройти? — процедила она сквозь зубы. — Встали тут, проход загродили.

Я не сдвинулась с места.

— Проход достаточно широкий, — спокойно заметила я.

— Подвинься, бабуля, — фыркнула она, толкая меня плечом. — Песок сыпется, дышать нечем.

Удар был слабым, но наглым. Аня дернулась, сжимая кулаки, готовая кинуться в драку. Ленка набрала воздуха в грудь для матерной тирады.

Но я подняла руку, останавливая их.

Я медленно окинула Кристину взглядом — с головы до пят. Задержалась на ее дешевых кроссовках, на облупившемся маникюре (который я заметила только сейчас), на

злом, детском лице.

— Детка, — произнесла я голосом, в котором было столько холода, что он мог бы заморозить Ниагарский водопад. — «Бабуля» здесь только одна. Та, с которой ты спишь ради денег моего мужа.

Кристина открыла рот, хватая воздух.

— А я, — продолжила я, делая шаг к ней, так что она инстинктивно отшатнулась, — женщина, которая эти деньги контролирует. И мой тебе совет: не прижимайся так к батареям в своем эконо-номере. Силикон от перегрева может потечь. Испортишь казенное белье — штраф платить нечем будет.

Демид покраснел так густо, что казалось, у него сейчас пойдет кровь из ушей.

— Полина! — рявкнул он. — Прекрати хамить!

— И рот закрой, сквозняк, — ласково добавила Ленка, глядя на Кристину. — А то зубы простудишь. Стоматология нынче дорогая, а спонсор твой, судя по рубашке, на мели.

Мы прошли мимо них, гордо подняв головы, оставив парочку обтекать в коридоре.

Ресторан «Зимний Сад» был полон. Огромные окна выходили на заснеженный лес, в центре зала стояли столы с горами еды: красная рыба, икра, блинчики, фрукты, шампанское во льду. Гул голосов, звон приборов, смех — атмосфера праздника была осязаемой.

У входа стояла хостес — девушка с планшетом.

— Доброе утро, госпожа Вишневская, — расплылась она в улыбке, увидев меня. — Ваш столик у окна готов. Кофе уже несут.

— Спасибо, Мариночка, — кивнула я.

Нас проводили в VIP-зону, отделенную от основного зала живыми растениями. Здесь было тише, столы стояли просторнее, а вид из окна был просто открыточный.

Мы сели. Официант тут же налил нам свежавыжатый апельсиновый сок.

— Жизнь удалась, — констатировала Аня, намазывая круассан маслом. — Мам, ты видела ее лицо? Она чуть не лопнула.

Я не успела ответить. В зал вошли Демид и Кристина.

Они выглядели потерянными. Свободных столиков практически не было — час пик, все проснулись.

Демид подошел к хостес. Я видела, как он наклонился к ней, что-то шепча. Его рука скользнула в карман джинсов, достала купюру — кажется, пяти тысячную. Он попытался сунуть её девушке в руку, прикрывая ладонью. Взятка. Старый, проверенный метод Демида Андреевича.

Но Марина даже не взглянула на деньги.

— К сожалению, у окна все занято, — громко, чтобы слышали все в очереди, сказала она. — И в центре тоже. Есть один столик, но он...

Она указала рукой в дальний угол зала. Туда, где находи-

лись распашные двери на кухню и вход в гостевые туалеты. Самое проходное, шумное и неудобное место, где официанты постоянно бегали с подносами грязной посуды.

Демид скрипнул зубами. Он спрятал деньги обратно. Выбора у него не было. Кристина уже начала канючить, что она падает в голодный обморок.

Они поплелись в «угол позора».

Я наблюдала за этим, попивая капучино с густой пенкой. Это было мелко. Это было злорадно. Но, боже мой, как же это было приятно.

— Приятного аппетита, любимый, — прошептала я.

Они сели. Демид сидел спиной к залу, ссутулившись. Кристина вертела головой, всем видом показывая, как ей здесь не нравится. Она брезгливо тыкала вилкой в омлет, видимо, объясняя Демиду, что это не уровень ее притязаний.

Минут через десять, когда мы уже заканчивали завтрак, я увидела, что Демид встал. Он сказал что-то Кристине, которая уткнулась в телефон, и направился к нам.

— Идет, — предупредила Ленка, намазывая икру на блин.
— Держим строй.

Демид подошел к нашему столу. Он старался выглядеть уверенно, но бегающий взгляд выдавал его.

— Приятного аппетита, дамы, — произнес он с натянутым сарказмом.

— И тебе не подавиться, пап, — отозвалась Аня, не глядя на него. — Как там омлет? Не подгорел?

Демид проигнорировал дочь и уставился на меня.

— Полина, нам надо поговорить.

— Я слушаю, — я отломила кусочек сыра бри.

— Хватит этого цирка, — он понизил голос, наклоняясь ближе. — Ты наказала меня, молодец. Я оценил. Но спать в том номере невозможно. Там кровать — полторашка, матрас жесткий. И мусоровоз в пять утра грохочет, как танк. У Кристины мигрень.

— Какая жалость, — сказала я без тени сочувствия.

— Полина, будь человеком. У тебя люкс с двумя спальнями. Огромный. Пусти нас. Или давай поменяемся. Я доплачу разницу, когда счета разморозят. Ну не чужие же люди!

Я посмотрела на него и не узнала. Где тот властный мужчина, который вчера кричал, что я — пустое место? Сейчас передо мной стоял помятый, жалкий проситель, который хотел комфорта за мой счет.

— В номере 104 отличная слышимость, Демид, — сказала я тихо. — Я проходила мимо утром. Я слышала, как ты храпел.

— Я не храплю!

— Храпишь. Старость — не радость, — я улыбнулась. — Привыкай к новой реальности. Ты выбрал «молодость» и «огонь»? Наслаждайся. Огонь греет, но дым глаза ест.

— Ты стерва, — выплюнул он. — Ты специально это делаешь. Мстишь?

— Нет, Демид. Я просто отдыхаю. А ты мне мешаешь.

— Пап, иди ешь свою кашу, она стынет, — вмешалась Аня, поднимая на него взгляд. — Как и твоя репутация. На тебя люди смотрят.

Демид оглянулся. Действительно, с соседних столиков на нас косились.

Он сжал кулаки, постоял еще секунду, пытаясь испепелить меня взглядом, и резко развернулся.

— Посмотрим, кто будет смеяться последним, — бросил он и пошел обратно к туалету, где сидела его надутая муза.

После завтрака мы вышли в холл. Настроение было боевым, но внутри меня все еще сидел страх.

Завтра тридцать первое. Главная ночь года. Новогодний банкет. Все будут в вечерних платьях, красивые, сияющие.

Я увидела свое отражение в витрине бутика ювелирных украшений, мимо которого мы проходили. Да, костюм сидел отлично. Но лицо... Глаза все еще выдавали боль.

Рядом, чуть впереди, шла Кристина. Она, видимо, решила сходить в СПА (за деньги Демиды, конечно). Она шла упругой походкой, обтянутая в лосины. Молодая. Подтянутая. Ни грамма целлюлита, ни одной морщинки. Вульгарная, глупая, но... свежая.

У меня кольнуло сердце. Смогу ли я конкурировать с этой молодостью завтра, когда мы окажемся в одном зале?

Ленка перехватила мой взгляд. Она увидела, как я ссутулилась, глядя на задницу разлучницы.

— Так, — скомандовала подруга, останавливаясь посреди холла. — Отставить панику. Я вижу, о чем ты думаешь.

— Она молодая, Лен, — тихо сказала я. — А я...

— А ты — порода, — перебила она. — А она — дворняжка с бантиком. Но чтобы это увидели все, нам нужна тяжелая артиллерия.

Она достала телефон.

— Я записала нас в СПА на завтра. На весь день. Массаж, обертывание, укладка, визаж. Мы сделаем из тебя такое оружие массового поражения, что у твоего бывшего встанет и отвалится одновременно.

— Ты уверена? — я слабо улыбнулась.

— Я не уверена, я знаю. Завтра, Полина, будет твой выход. Ты наденешь то изумрудное платье с вырезом на спине. Ты войдешь в этот зал, и Демид подавится своим оливье. Он поймет, что променял «Бентли» на «Ладу Калину» с пробегом.

Я посмотрела в сторону лифтов, где скрылся мой муж со своей «Ладой Калину».

— Да, — сказала я твердо. — Завтра я его уничтожу.

Глава 10

Кофе на террасе остывал быстрее, чем я успевала делать глотки. Мороз тридцать первого декабря кусался по-настоящему зло, но уходить в тепло номера мне не хотелось. С высоты третьего этажа «Серебряный Бор» напоминал муравейник, который кто-то пнул ногой: персонал носился с коробками, декораторы тащили огромные гирлянды, гости суетились в предвкушении главной ночи года.

Я куталась в белый махровая халат, вдыхала ледяной воздух и чувствовала себя надзирателем в паноптикуме.

Мой взгляд, словно примагниченный, выхватил фигуру у служебного входа в корпус «Стандарт».

Демид.

Он стоял возле мусорных баков, ежась в расстегнутом пуховике, и нервно курил. Даже отсюда, сверху, было видно, как дергаются его плечи. Он что-то яростно выговаривал в телефонную трубку — видимо, партнеры, ушедшие на каникулы, не горели желанием решать его финансовые проблемы тридцать первого декабря.

Дверь корпуса открылась, и к нему выпорхнула Кристина. Без шубы, в одном велюровом костюме. Она повисла на его локте, заглядывая в лицо. Демид отмахнулся от нее, как от назойливой мухи. Она не унималась, дернула его за рукав.

Тогда он резко развернулся и что-то рывкнул ей в лицо.

Кристина отшатнулась, надула губы и, топнув ногой, убежала обратно в тепло.

Я сделала глоток холодного кофе.

Раньше я бы уже неслась вниз с шарфом и таблеткой от нервов. Я бы думала: «Бедный Дёма, он так устал, надо его успокоить». Сейчас я чувствовала лишь брезгливость. Словно наблюдала, как соседский пес роется в помойке.

— Вишневская! — голос Ленки из глубины номера прервал мои наблюдения. — Хватит морозить ценный бюст! У нас запись в СПА через пятнадцать минут. Труба зовет, и эта труба — золотая!

Я поставила чашку на перила.

— Иду, — бросила я ветру. — Пусть мерзнут те, у кого нет денег на тепло.

Зона СПА в «Серебряном Бору» была храмом гедонизма. Белый мрамор, запах лемонграсса и тихая музыка, от которой хотелось немедленно уснуть и проснуться молодой.

Мы подошли к стойке администратора втроем, шурша фирменными халатами.

— Добрый день, у нас бронь на программу «Королевское обновление», — сообщила Ленка, поправляя тюрбан на голове. — Три персоны.

Девушка за стойкой расплылась в улыбке.

— Конечно, госпожа Вишневская. Вас уже ждут. Хаммам разогрет, мастера готовы. Проходите в VIP-зону.

В этот момент стеклянные двери распахнулись, и в холл влетела Кристина. Она была в купальнике и сланцах, явно намереваясь прорваться к бассейну.

Она увидела нас и замерла. Её взгляд метнулся к золотистым браслетам на наших запястьях — пропуску в зону «люкс».

Кристина подошла к стойке, игнорируя очередь.

— Девушка, мне полотенце дайте. И халат.

Администратор перестала улыбаться, переключившись на дежурный тон.

— Ваш номер комнаты, пожалуйста?

— Сто четвертый, — буркнула Кристина, косясь на меня.

— К сожалению, в тариф «Стандарт» халаты не входят. Аренда комплекта — полторы тысячи рублей. Списать на номер или оплатите сейчас?

Кристина вспыхнула.

— В смысле платить? Мы же гости отеля! Запишите на номер!

Девушка постучала по клавишам.

— Извините, но на номере 104 стоит ограничение по депозиту. Мы не можем закрывать услуги в кредит. Только оплата по факту.

Я увидела, как округлились глаза разлучницы. Демид заблокировал траты. Видимо, у него действительно каждая копейка на счету.

— У меня нет с собой карты! — взвизгнула Кристина. —

Я что, в мокром купальнике пойду?

— Вы можете взять полотенце из номера, — невозмутимо предложила администратор.

Ленка хрюкнула, пытаясь сдержать смех. Аня, стоящая рядом, достала телефон и сделала вид, что снимает интервью, а на самом деле навела камеру на пунцовое лицо Кристины.

— Пойдемте, девочки, — сказала я тихо, проходя мимо соперницы, как мимо пустого места. — Не будем создавать очередь.

Мы скрылись за матовыми дверями VIP-зоны, оставив Кристину скандалить из-за полутора тысяч рублей. Мелочь, а как греет душу.

Следующие четыре часа я не существовала. Существовало только мое тело, над которым колдовали, как над драгоценным артефактом, найденным в раскопках и требующим реставрации.

Сначала был хаммам. Густой, влажный пар с запахом эвкалипта проникал в легкие, вымывая оттуда запах пригоревшей утки и чужих духов. Я лежала на горячем мраморе, а крупная женщина-банщица натирала меня жесткой рукавицей, сдирая старую кожу.

Вместе с ороговевшими клетками с меня сходила роль «удобной жены».

Потом был массаж. Мастер, сухощавый таец, нашел у меня в плечах такие узлы, что я шипела от боли, когда он их

разминал.

— Много тяжести носите, мадам, — сказал он на ломаном русском, вдавливая локоть мне под лопатку. — Надо сбросить.

— Я уже сбросила, — прохрипела я в отверстие кушетки. — Девяносто килограммов живого веса по имени Демид.

— Вот видишь? — подала голос Ленка с соседнего стола, где ее обмазывали шоколадом. — Ты была не старая, Поль. Ты была просто заезженная. Как лошадь на свадьбе. Сейчас мы тебя отполируем, смажем, и будешь сиять, как новый «Бентли».

Я перевернулась на спину. Взглянула на свои руки. Кожа после скраба светилась.

Я вдруг поняла, что последние годы я экономила на себе. Массаж? Дорого, лучше Ане на репетитора. СПА? Некогда, Демиду надо рубашки гладить. Я сама превратила себя в обслуживающий персонал.

— Больше никаких компромиссов, — пообещала я потолку, на котором была нарисована фреска с античными богинями.

В салон красоты при отеле мы пришли к четырем часам. Здесь царил суеда: дамы готовились к банкету, воздух был наэлектризован фенами и запахом лака.

Меня усадили в кресло к топ-стилисту Сержу — мужчине с бородой и перстнями на каждом пальце. Он взял прядь

моих волос, брезгливо поморщился.

— Кто вас стриг, ма шер? — спросил он с трагическим вздохом. — Парикмахерская «Улыбка» в спальном районе?

— Почти, — призналась я. — Мой муж любил... скромность.

— Муж в прошлом, а волосы — это будущее, — отрезал Серж, щелкая ножницами. — Это каре «учительница первая моя» мы убираем. Сделаем текстуру. Объем. И цвет... этот мышиный блонд надо оживить. Добавим медовых бликов. Вы будете не скромной. Вы будете дорогой.

Я закрыла глаза. Я боялась смотреть в зеркало. Мне казалось, что сейчас он сделает из меня клоуна, и я стану посмешищем.

Два часа надо мной кружили феи с кисточками и плойками. Я чувствовала запахи краски, дорогого стайлинга, пудры.

— Открывайте глаза, — скомандовал Серж, сдергивая пеньюар.

Я медленно подняла веки.

Из зеркала на меня смотрела незнакомка.

У нее были объемные, живые локоны, которые небрежно касались плеч, играя сложными переливами цвета. У нее были глаза... Боже, я забыла, что у меня такие глаза. Визажист сделал «смоки айс» в коричнево-золотых тонах, и мой привычный серый цвет превратился в глубокий, стальной, опасный.

Скулы, которых я не видела за отеками, вдруг проявились благодаря контурингу. Губы, покрашенные сложным винным оттенком (не красным, а благородным бордо), казались полнее.

Это была не «мать семейства». Это была хищница.

— Вау, — выдохнула Аня, которая сидела в соседнем кресле с готовой укладкой. — Мам, ты краш. Папа сейчас локти сгрызет до самых плеч.

Я коснулась своей щеки. Я не верила, что это я.

— Спасибо, — прошептала я Сержу.

— Не за что, мадам, — он подмигнул. — Просто носите это лицо так, как оно того заслуживает. Высоко.

Мы вернулись в номер за час до начала банкета. За окнами уже стемнело, лес превратился в черную стену, но отель сиял миллионами огней. Снизу доносилась музыка — в банкетном зале проверяли звук.

Аня торжественно извлекла из чехла платье.

Изумрудный шелк, тяжелый, струящийся. Оно было простым по крою спереди — закрытым, с воротником-стойкой, — но сзади... Сзади был вырез до самой поясницы.

— Надевай, — скомандовала Ленка, разливая шампанское. — И только попробуй сказать, что у тебя там складка на спине.

Я надела белье — то самое, черное, кружевное, из бутика. Чулки на силиконовой резинке охладили кожу бедер.

Платье скользнуло по телу, как прохладная вода. Оно село идеально. Ткань обняла бедра, подчеркнула талию, а открытая спина создавала ощущение наготы и защищенности одновременно.

Я надела туфли. Двенадцать сантиметров шпильки.

Последний штрих — серьги. Длинные подвески с натуральными изумрудами, подарок отца на мое тридцатилетие. Демид всегда просил их не надевать, говорил, что они «слишком вычурные». Сегодня они были к месту.

Я взяла флакон Chanel Coco Mademoiselle. Не Tom Ford, которым пропахла моя прошлая жизнь. Пшик на запястья, пшик в ложбинку груди, пшик в воздух, чтобы войти в облако аромата.

— Выходи! — крикнула Аня из гостиной.

Я вышла.

В гостиной горел камин. Ленка в синем платье с пайетками и Аня в серебристом мини замерли с бокалами в руках.

— Мать честная... — выдохнула Ленка, и в ее голосе не было привычного сарказма. — Полька... Я бы сама на тебе женилась.

— Ты выглядишь на миллион долларов, — подтвердила Аня. — Нет, на биткойн в момент пика.

Я подошла к ростовому зеркалу в золоченой раме.

Я видела там женщину, которую забыла за борщами и гладкой рубашек. Красивую. Статную. Спина прямая, как струна. В глазах — стальной блеск.

Впервые за эти дни я подумала о Демиде не со страхом («что он скажет?»), а с холодным любопытством. Я представила его лицо. Представила Кристину в ее дешевых блестках.

— Я красивая, — сказала я своему отражению. — И я красивая не для него. Я красивая для себя.

— Вот это правильный настрой, — Ленка протянула мне бокал. — Ну что, девочки? До Нового года два часа. До триумфа — пять минут.

Мы чокнулись. Звон хрусталя прозвучал как гонг перед началом боя.

— Идем, — сказала я, ставя бокал на каминную полку. — Не будем заставлять публику ждать.

Мы вышли из номера. Стук наших каблуков в пустом коридоре звучал ритмично и угрожающе.

Лифт спустил нас на первый этаж.

Двери разъехались.

В холл ворвался шум праздника: смех, звон посуды, живая музыка оркестра. Ароматы дорогой еды и хвои.

Я сделала глубокий вдох, наполняя легкие этим воздухом.

— Готова? — шепнула Ленка, беря меня под руку.

Я расправила плечи, чувствуя, как шелк платья скользит по обнаженной спине.

— Всегда готова.

Двери банкетного зала, высокие, двустворчатые, были распахнуты настежь. Мы шагнули в свет софитов.

Глава 11 (Полина/Демид)

(Полина)

Густой, тягучий джаз заполнял пространство банкетного зала «Зимний Сад», смешиваясь с ароматами хвои, мандаринов и дорогих духов. Саксофон плакал о чем-то несбыточном, хрусталь звенел, как колокольчики, а официанты в белоснежных перчатках скользили между столами бесшумными тенями.

Мы стояли в дверях.

Я, Ленка и Аня.

Секунду назад я волновалась так, что колени дрожали под шелком платья. Мне казалось, что я самозванка, Золушка, которая украла приглашение на бал. Но стоило переступить порог, как страх исчез. Его вытеснило другое чувство — холодное, спокойное осознание собственной силы.

Мое изумрудное платье холодило кожу. Спереди оно было строгим, почти монашеским, с воротником-стойкой, но сзади... Сзади ткани не было до самой поясницы. Я чувствовала на обнаженной спине взгляды. Они касались меня, скользили по позвоночнику, задерживались на талии.

— Пошла, — шепнула Ленка мне на ухо. — Спину держи. Ты несешь корону, а не мешок с картошкой.

Мы двинулись к нашему столику.

Это был выход. Настоящий, отрепетированный выход.

Стук наших каблучков тонул в ворсе ковра, но, казалось, его слышали все. Разговоры за ближайшими столиками стихли. Мужчины, которые секунду назад обсуждали курсы валют и снегоходы, поворачивали головы.

Они видели женщину. Не «жену», не «мать», не «партнера». Женщину.

Официант, несший поднос с канапе, засмотрелся на нас и споткнулся, едва не уронив тарталетки с икрой на лысину какого-то солидного господина. Господин даже не заметил угрозы — он смотрел на разрез моего платья, который при каждом шаге приоткрывал ногу в черном чулке.

— Мам, ты устроила пробку из человеческих шей, — прокомментировала Аня с довольной ухмылкой, идя чуть позади.

Нас проводили к VIP-столику в центре зала, у самой сцены. Лучший обзор, лучший свет. Я села, намеренно повернувшись спиной к основному залу. Пусть смотрят. Пусть гадают.

— Шампанского, дамы? — официант возник из ниоткуда с запотевшей бутылкой Moët & Chandon.

— Конечно, — кивнула Ленка. — И льда побольше. Здесь становится жарко.

(от третьего лица)

Демид ненавидел этот столик.

Он ненавидел колонну, которая закрывала половину сце-

ны. Ненавидел дверь на кухню, которая распаивалась каждые три минуты, обдавая его запахом жареного лука и звонком посуды. Ненавидел официантов, которые носились мимо, задевая локтями спинку его стула.

Но больше всего он ненавидел то, что происходило за столом.

Кристина сидела напротив, надув губы. На ней было розовое платье. Нет, не платье — кондитерское изделие. Пышное, короткое, все в блесках и каких-то дешевых перьях, которые лезли и оседали на его пиджаке. Она выглядела как сбегжавшая кукла Барби, которую пожевала собака.

— Дёма, ну почему мы сидим в жопе мира? — ныла она уже битый час, теребя ножку бокала. — Вон там, в центре, нормальные люди. А мы у туалета. Сделай что-нибудь! Ты же обещал ВИП!

— Я обещал тебе отель, — процедил Демид, опрокидывая стопку ледяной водки. Шампанское в глотку не лезло. — Мы в отеле. Еда та же, что и у всех. Хватит гундеть.

— У меня платье мнется на этом стуле! И фотки получаются темные! — не унималась муза. — Пойдем потанцуем, я хочу, чтобы все видели мой браслет.

Она потрясла запястьем, на котором сверкала та самая безделушка, ставшая причиной краха его семьи. Демид поморщился. Сейчас этот браслет казался ему ошейником, который он сам на себя надел.

Ему было скучно. Смертельно, зубодробительно скучно.

Кристина могла говорить только о Инстаграме, о ноготочках и о том, какая сука эта администраторша в СПА. С ней не о чем было помолчать.

Он оглядел зал в поисках чего-то интересного. Глаз замылился от обилия мишуры, блесков и пьяных лиц.

И тут он увидел Её.

Женщина сидела за одним из центральных столов, спиной к нему.

Демид даже перестал жевать маринованный гриб.

Спина была... произведением искусства. Ровная, с четкой линией позвоночника, уходящей в опасную глубину выреза изумрудного платья. Кожа казалась бархатной, свет софитов играл на лопатках. Темные волосы были уложены в сложную, небрежную прическу, открывающую тонкую шею.

От этой женщины веяло породой. Дороговизной. Не той, что измеряется лейблами на всю грудь, а той, что впитывается с молоком матери. Статус. Спокойствие.

— Вот это баба, — пробормотал Демид невольно. — Интересно, с кем она?

Наверняка с каким-нибудь олигархом. Или депутатом. Такая женщина не будет сидеть одна в новогоднюю ночь.

— Ты куда пялишься? — тут же среагировала Кристина, проследив за его взглядом. — Ой, ну подумаешь, спина голая. Вульгарно. И платье старое, фасон года два как не в моде.

Демид не слушал. Ему вдруг стало жизненно необходимо увидеть лицо этой незнакомки. Просто чтобы убедиться, что такие существуют.

Женщина повернула голову вправо, чтобы чокнуться бокалом со своей спутницей — яркой дамой в синем.

Демид увидел профиль.

(Демид)

Высокий лоб, чуть вздернутый нос, длинные ресницы, отбрасывающие тень на скулы. И губы. Губы, покрашенные тем самым сложным винным оттенком, который делал их пухлыми, манящими, запретными.

Женщина улыбнулась чему-то, что сказала ее спутница. И эта улыбка — легкая, открытая, с ямочкой на левой щеке — ударила меня под дых сильнее, чем профессиональный боксер.

Я знал эту ямочку. Я целовал ее двадцать лет подряд.
— Кха!..

Водка, которую я в этот момент глотал, пошла не в то горло. Жидкий огонь ударил в нос, глаза моментально наполнились слезами. Я закашлялся, сгибаясь пополам, хватая ртом воздух, как рыба на льду.

— Дёма! Ты чего? — Кристина испуганно захлопала меня по спине, от чего стало только хуже. — Подавился? Воды?

Я отпихнул ее руку, вытирая слезящиеся глаза салфеткой. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая кислород.

Я снова посмотрел в центр зала.

Это была не галлюцинация. Не морок, навеянный алкоголем и чувством вины.

За лучшим столиком, в окружении официантов, сидела моя жена. Полина.

Та самая Полина, которая, по моей версии, должна была сейчас сидеть в пустой квартире в растянутых трениках, доедать вчерашнюю утку и рыдать над нашей свадебной фотографией.

Но она не рыдала. Она сияла.

В этом изумрудном платье, обнажающем спину, с укладкой, достойной обложки глянца, она выглядела... дорого. Неприлично, вызывающе дорого. Рядом с ней даже хрусталь на столах казался тусклым.

— Это что... твоя жена? — голос Кристины прозвучал визгливо. Она тоже проследила за моим взглядом и теперь сидела с открытым ртом, забыв про свои сторис.

Я не ответил. Я не мог оторвать глаз.

В голове крутился, как заезженная пластинка, наш вчерашний разговор. «Ты себя в зеркало видела?», «Ты пресная», «Ты старая».

Я смотрел на женщину за столиком и понимал: я идиот. Я клинический, слепой идиот.

Рядом с ней сидела Аня — моя дочь, которая даже не взглянула в мою сторону, и та самая хабалка-подруга в синем. Они смеялись. Они выглядели как королевская семья

на отдыхе, пока я сидел в углу возле туалета с женщиной-пирожным.

— Дёма! — Кристина дернула меня за рукав, больно впиваясь ногтями в ткань пиджака. — Хватит пялиться! Ты меня позоришь!

В ее голосе звенела неприкрытая ревность. И страх. Она вдруг поняла, что ее розовые перья и молодость проигрывают этой спокойной, уверенной породе.

— Она же старая! — зашипела Кристина, пытаясь перекричать джаз. — Посмотри, у нее морщины! И платье из прошлого века! Дёма, посмотри на меня! Я же лучше! Я молодая!

Она начала трясти рукой перед моим лицом, звеня тем самым браслетом. Бриллианты сверкали, но сейчас этот блеск меня раздражал.

— Отстань, — буркнул я, не глядя на нее. — Дай поесть. Хотя кусок в горло не лез.

В этот момент Полина, словно почувствовав мой взгляд — тяжелый, липкий, ошарашенный, — начала медленно поворачивать голову.

(Полина)

Я чувствовала его взгляд затылком. Он жег кожу между лопатками, там, где заканчивался вырез платья.

Демид смотрел на меня. Я знала это. Я физически ощущала его замешательство, его шок, его злость.

— Он сейчас дырку в тебе просверлит, — тихо констатировала Ленка, отпивая шампанское. — Челюсть уже на скактерти, слюни капаят в винегрет. Наслаждайся, подруга. Это твой «Оскар».

Я медленно, с грацией сытой кошки, повернулась.

Найти его в зале было легко. Угловой столик, полумрак, и яркое розовое пятно Кристины, которое резало глаз. А рядом — он.

Наши взгляды встретились.

Я ожидала увидеть ненависть. Или презрение. Но увидела растерянность. В его глазах читался немой вопрос: «Кто ты? И куда ты дела мою удобную жену?».

Он выглядел жалко. Сгорбленный, красный после кашля, в этой своей мятой рубашке. Рядом Кристина что-то яростно шептала ему в ухо, дергая за руку, как капризный ребенок, требующий игрушку.

Я не отвела взгляд. Не опустила ресницы, как делала раньше, когда он был недоволен.

Я посмотрела ему прямо в зрачки. Спокойно. Холодно. С легкой полуулыбкой, которая говорила: «Да, это я. И да, это платье куплено на твои деньги. Но ты меня не получишь».

Я медленно подняла бокал с золотистым шампанским. Слегка наклонила голову набок, приподняла одну бровь. Это был не тост за здоровье. Это был салют победителю. То есть — мне.

«За нас, Демид. За то, что ты сделал меня такой. Свобод-

ной».

Я увидела, как его кадык дернулся. Он хотел вскочить, хотел что-то крикнуть или разбить тарелку — я знала его импульсивность. Но неведомая сила вдавливала его в стул. Может быть, стыд. А может, понимание, что если он сейчас устроит сцену, то окончательно превратится в клоуна на моем фоне.

Он не встал. Он просто смотрел на меня, как побитый пес смотрит на витрину мясной лавки, понимая, что дверь заперта, а хозяин ушел.

Я сделала глоток, наслаждаясь холодными пузырьками, и отвернулась.

— Один-ноль, — прокомментировала Аня, не отрываясь от телефона. — Мам, ты его уничтожила. Он теперь весь вечер будет давиться слюной.

— Пусть давится, — улыбнулась Ленка. — Главное, чтобы Кристина его не откачивала рот-в-рот. Аппетит испортит.

(от третьего лица)

Демид чувствовал себя так, будто его окунули головой в прорубь.

Она отвернулась. Она просто показала ему бокал и отвернулась, будто он — пустое место. Не муж, с которым прожито двадцать пять лет. Не глава семьи. А просто случайный зритель в зале ее триумфа.

Внутри закипала черная, липкая злость. Но это была

странная злость. В ней не было желания ударить или уни-
зить. В ней было дикое, первобытное желание схватить,
встряхнуть и крикнуть: «Ты моя! Слышишь? Ты носишь
мою фамилию! Ты не имеешь права быть такой... такой
чужой».

— Дёма! — Кристина снова дернула его за рукав. — Ты
меня слышишь? Я говорю, этот салат невкусный! Майонез
дешевый!

— Заткнись, — тихо сказал Демид.

— Что? — она опешила.

— Заткнись, Кристина. Ешь молча.

Он не смотрел на нее. Он не мог оторвать взгляда от со-
седнего столика в VIP-зоне, расположенного справа от По-
лины.

Там сидел мужчина.

Демид заметил его еще раньше, но не придал значения.
Какой-то седовласый пизжон в смокинге. Один. Сидел, цедил
виски, смотрел на сцену.

Но теперь этот пизжон смотрел не на сцену.

Он смотрел на Полину.

И этот взгляд Демиду очень не понравился.

Мужчине было лет пятьдесят. У него было то самое вы-
ражение лица, которое Демид ненавидел у конкурентов по
бизнесу: спокойная, ледяная уверенность хищника, который
знает, что добыча никуда не денется. Он не раздевал Поли-
ну глазами, как это делали другие мужики в зале. Нет. Он

смотрел на нее с уважением. С интересом коллекционера, увидевшего редкий бриллиант.

— Кто это такой? — прошипел Демид, сжимая вилку так, что побелели пальцы.

— Кто? — Кристина проследила за его взглядом. — А, этот старикан? Да какой-то папик одинокий. Наверное, ищет, кого снять на ночь.

«Старикан» тем временем подозвал официанта. Он что-то шепнул ему, коротко кивнув в сторону столика Полины.

Демид напрягся. Ревность, горячая и едкая, как кислота, разлилась по венам.

— Только попробуй, — прошептал он. — Только подойди к ней.

Это была его жена. Его женщина. Да, он сам сказал ей, что она «прочитанная книга». Но никто не имеет права брать эту книгу с полки, кроме него.

(Полина)

Я чувствовала этот новый взгляд. Он отличался от тяжелого, давящего взгляда Демида. Этот был... обволакивающим. Спокойным.

Я скосила глаза.

Мужчина за соседним столиком. Я заметила его, как только мы вошли. Благородная седина, идеальная стрижка, смокинг, который сидел как влитой (в отличие от мятого пиджака Демида). Он был похож на Джорджа Клуни, только с рус-

ским, чуть более жестким прищуром.

Он поймал мой взгляд. Не улыбнулся, нет. Просто чуть заметно наклонил голову в знак приветствия.

— Ого, — шепнула Ленка, толкая меня ногой под столом.
— Справа по борту. Тяжелый люкс. Он с тебя глаз не сводит уже минут десять.

— Вижу, — одними губами ответила я.

— Полина, спину! — напомнила подруга. — Не сутулься. Ты приманка.

В этот момент свет в зале начал медленно гаснуть. Огромные хрустальные люстры притушили свое сияние, оставив только интимный полумрак свечей на столах и софиты на сцене.

Ведущий в бабочке вышел к микрофону.

— Дамы и господа! До боя курантов остается меньше часа. А пока президент готовит свою речь, предлагаю наполнить сердца романтикой. Танцевальная пауза! Мужчины, приглашайте дам!

Саксофонист на сцене выдул низкую, вибрирующую ноту. Оркестр подхватил мелодию. Это была «Smooth Operator» Шаде. Медленная, тягучая, чувственная.

Атмосфера в зале мгновенно изменилась. Воздух стал плотным от напряжения.

— Ну все, — сказала Аня, откладывая телефон. — Началась охота.

Я сидела, не шевелясь. Я знала, что сейчас произойдет.

Это было неизбежно, как закон физики.

Я слышала, как за угловым столиком с грохотом отодвинулся стул.

(от третьего лица)

Демид больше не мог сидеть.

Музыка ударила по нервам. Полумрак скрыл детали, оставив только главное: силуэт женщины в изумрудном платье, чья обнаженная спина сияла в темноте, как маяк.

Он должен быть там. Рядом с ней. Он должен положить руку на эту спину, почувствовать тепло ее кожи, вдохнуть ее запах. Он должен показать всему залу — и особенно тому седому ублюдку в смокинге, — что это ЕГО жена.

— Я сейчас, — бросил он Кристине, вставая.

— Куда? — взвизгнула она, хватая его за руку. — Дёма, потанцуй со мной! Это наша песня! Ну, почти наша!

— Отстань, — он грубо стряхнул ее ладонь. — Я сказал — сиди здесь.

Он вышел из-за стола, едва не опрокинув ведро со льдом.

Его путь лежал через весь зал. Он шел быстро, не замечая официантов, расталкивая танцующие пары, которые уже начали выходить на паркет. Его взгляд был прикован к Полине.

Она сидела к нему спиной, но он знал — она чувствует его приближение.

«Сейчас, — думал он, ускоряя шаг. — Сейчас я подойду.

Я возьму ее за руку. Жестко, по-мужски. Я скажу: "Пошли танцевать". И она пойдет. Она не сможет отказать. Она же любит меня. Вчерашнее — это просто истерика. Она увидит, что я хочу ее, и растает».

До ее столика оставалось метров десять.

Демид уже протянул руку, мысленно репетируя фразу.

И тут он увидел, как мужчина за соседним столиком — тот самый седовласый «Клуни» — встает.

Он двигался иначе. Не суетливо, не агрессивно, как Демид. Он двигался плавно и уверенно.

— Нет, — прошептал Демид. — Не смей.

Он рванул вперед, почти переходя на бег.

Но было поздно.

Мужчина в смокинге сделал два широких шага и оказался возле стула Полины ровно за секунду до того, как Демид успел пересечь линию танцпола.

Демид застыл, как вкопанный, в трех метрах от них.

Он видел, как незнакомец мягко наклонился к его жене. Как он протянул ей руку — открытую ладонь, приглашающий жест, полный старомодного достоинства.

Он не слышал слов, но видел, как Полина медленно подняла голову. Как она посмотрела на незнакомца. Потом перевела взгляд за его плечо — прямо в глаза застывшему, запыхавшемуся Демиду.

В ее взгляде на секунду мелькнуло торжество.

А потом она улыбнулась незнакомцу и вложила свою

тонкую руку в его ладонь.

Глава 12

Мужчина в смокинге шагнул в круг света, отбрасывая длинную тень. Он двигался с той неторопливой уверенностью, которая бывает только у людей, привыкших, что мир прогибается под них, а не наоборот.

Он остановился у моего столика.

— Позвольте пригласить вас на танец, прекрасная незнакомка, — его голос был низким, с легкой хрипотцой, как дорогой виски. — Эта музыка слишком хороша, чтобы слушать ее в одиночестве.

Я подняла глаза. Вблизи он выглядел еще более впечатляюще. Умные, чуть прищуренные глаза, в уголках которых собрались морщинки — не от старости, а от того, что он, видимо, часто улыбался или смотрел на солнце. Идеально выбритый подбородок, от которого пахло чем-то терпким, древесным, не похожим на приторный Tom Ford Демида.

Он протянул мне руку. Открытая ладонь, ухоженные пальцы, на запястье — дорогие часы Patek Philippe. Это был жест не мальчика, а мужчины. Жест, не допускающий отказа.

На секунду я замерла. Часть меня, та самая «Полечка», которая двадцать пять лет была замужем, вопила: «Ты не можешь! Что скажет Демид?».

Я перевела взгляд за его плечо.

Демид стоял в трех метрах от нас, посреди танцпола, как

памятник самому себе. Его лицо было искажено гримасой, в которой смешались гнев, недоумение и ревность. Он был похож на ребенка, у которого отняли любимую игрушку, и он вот-вот заревет и начнет топтать ногами.

В этот момент я поняла: я могу.

Более того — я должна.

Я посмотрела на незнакомца, потом снова на мужа, и улыбнулась.

— С удовольствием, — сказала я, и мой голос прозвучал на удивление ровно.

Я вложила свою ладонь в его. Рука мужчины оказалась теплой, сухой и сильной. Он легко, почти невесомо, помог мне встать. Шелк платья зашуршал, обтекая мои бедра.

Мы пошли к центру танцпола.

Каждый шаг был маленькой победой. Мы проходили мимо Демида. Я видела его боковым зрением — застывшего, сжавшего кулаки. Я не удостоила его даже взглядом. Я просто шла, гордо подняв голову, ведомая уверенной рукой незнакомца.

Аня и Ленка проводили меня взглядами, в которых читалось: «Дави их, девочка!».

Мы вышли на паркет. Приглушенный свет софитов окутал нас, отрезая от остального зала. Саксофон пел свою тягучую, медовую песню о ночных операторах и разбитых сердцах.

Незнакомец положил руку мне на талию.

Это было неожиданно. Демид, когда мы танцевали, всегда

прижимал меня к себе грубо, по-хозяйски, его ладонь властно ложилась мне на поясницу, будто говоря: «Это мое».

Этот мужчина поступил иначе. Его рука легла на ткань платья, чуть сбоку, почти целомудренно. Он держал дистанцию — небольшую, но ощутимую. Дистанцию уважения. Но от этого прикосновения по моей коже побежали мурашки. Я почувствовала себя не собственностью, а женщиной, которую ценят.

— Меня зовут Марк, — сказал он, когда мы сделали первые шаги. — А вас?

— Полина, — выдохнула я, пытаюсь поймать ритм.

— Красивое имя. Редкое, — он легко повел меня в повороте. Он танцевал великолепно — не вычурно, а просто и уверенно, как человек, который с детства ходил на балы. — Вам очень идет этот цвет. Изумрудный. Он подчеркивает ваши глаза.

Я не танцевала так лет пятнадцать. Последний раз — на свадьбе у друзей, и то это были пьяные топтания под Верку Сердючку. А здесь нужно было вести себя, чувствовать партнера.

Сначала я была скованной, как деревянная кукла. Мои ноги путались, я боялась наступить ему на лакированный ботинок.

— Расслабьтесь, Полина, — прошептал Марк мне на ухо. Его дыхание было теплым. — Просто слушайте музыку. И доверьтесь мне.

И я доверилась.

Я закрыла глаза на секунду, вдыхая его аромат, чувствуя его сильную руку на своей талии. И мое тело вспомнило. Вспомнило, как это — двигаться в такт, как это — быть ведомой, как это — наслаждаться моментом.

Мы кружились в медленном, ленивом танце. Я смеялась его шуткам — легким, интеллигентным, без пошлости. Он рассказывал что-то о своем бизнесе (строительство), о том, как ненавидит Новый год за суету, но обожает за атмосферу. Он не лез в душу, не задавал личных вопросов. Он просто создавал вокруг меня ауру комфорта и восхищения.

— Вы не похожи на других женщин здесь, — сказал он, глядя мне в глаза. — В вас есть... покой. И какая-то скрытая сила.

— Это вы еще не видели меня два дня назад, — усмехнулась я. — Там был не покой, а вулкан Везувий.

— Вулканы — это красиво, — улыбнулся он. — Главное — не стоять слишком близко в момент извержения.

Внезапно, на резком повороте, его рука соскользнула с моей талии и коснулась обнаженной кожи на спине.

Это было случайное, мимолетное прикосновение. Но его пальцы были горячими. Они словно оставили на моей коже невидимый ожог. Разряд тока прошел по всему телу, от затылка до кончиков пальцев на ногах.

— Прошу прощения, — тут же сказал он, возвращая руку на место.

Но я видела, как блеснули его глаза. Это не было случайностью. Это был пробный шар. Тест.

Я почувствовала, как вспыхнули щеки. Но это был не стыд. Это было... возбуждение. Господи, я и забыла, что это такое. Чувствовать себя желанной. Чувствовать, что мужчина смотрит на тебя не как на привычный предмет мебели, а как на загадку, которую хочется разгадать.

Я подняла на него взгляд, и в моих глазах, наверное, впервые за много лет, появилось то самое кокетство, которое Демид так ненавидел, называя его «обезьяньими ужимками».

(от третьего лица)

Демид стоял у своего столика, как истукан. Он вернулся, сел, залпом выпил еще одну стопку водки, но легче не стало.

— Ты что, так и будешь смотреть, как твою старуху лапает какой-то хрен?! — пилила Кристина, ковыряя вилкой креветку. — Пойди и врежь ему! Покажи, кто здесь мужик!

«Врежь ему», — эхом отдавалось в голове.

Он хотел. О, как он хотел подойти, отшвырнуть этого лощеного хмыря в смокинге и утащить Полину с танцпола. Но он смотрел на них и понимал, что проиграет.

Марк был выше его сантиметров на пять. Шире в плечах. И от него веяло той спокойной силой, которая бывает у людей, занимавшихся боксом или борьбой. Демид был

крепким, но он был бизнесменом, который последние годы боролся только с налоговой. А этот... этот мог сломать его одним движением.

И тогда Демид превратится в посмешище. Пьяный муж, который устроил драку из-за жены, которая сама пошла танцевать с другим.

Он смотрел, как Полина смеется. Как она грациозно двигается, как шлейф ее платья обвивает ноги Марка. Он вспоминал, как сам учил ее танцевать вальс в их крошечной квартире, когда они были молодыми и бедными. Она тогда наступала ему на ноги и хохотала.

Сейчас она танцевала с другим. И выглядела абсолютно счастливой.

Он увидел, как рука Марка коснулась ее спины. Как Полина вздрогнула. И как она посмотрела на него после этого.

Этот взгляд резал без ножа.

«Ты видишь? — кричали ее глаза. — Ты видишь, что я еще живая? Что я нравлюсь другим мужчинам? Мужчинам, которые не дарят мне мультиварки, а целуют руки?»

В этот момент Демид возненавидел себя. Возненавидел Кристину с ее розовыми перьями. Возненавидел этот чертов отель. И больше всего на свете он возненавидел этого Марка.

Музыка стихла. Саксофонист взял последнюю, затихающую ноту.

Мы замерли в центре зала. Несколько пар вокруг захлопали.

Марк не отпустил мою руку. Он посмотрел мне в глаза, потом медленно, с каким-то старомодным благородством, поднес мою ладонь к своим губам.

Его губы были теплыми, сухими. Легкое, почти невесомое прикосновение к тыльной стороне ладони. Но это было интимнее, чем все грубые поцелуи Демида за последний год.

— Спасибо за танец, Полина, — сказал он тихо, так, чтобы слышала только я. — Вы сделали этот вечер незабываемым.

Он проводил меня до столика, вежливо кивнул Ленке и Ане, и вернулся на свое место, не сказав больше ни слова.

Я села на стул. Ноги были ватными. Сердце колотилось.

— Ну, мать, ты даешь, — присвистнула Ленка. — Я думала, он тебя прямо на танцполе в ЗАГС потащит. Видела, как Демид позеленел? Он сейчас лопнет от злости.

— Видела, — кивнула я, делая глоток шампанского.

Я посмотрела в сторону «Камчатки».

Стул возле Кристины был пуст. Я обвела взглядом зал. Демида нигде не было.

«Ушел? — промелькнула паническая мысль. — Сбежал?»

И тут я увидела его.

Он стоял у барной стойки и что-то быстро говорил бармену. Потом залпом выпил шот чего-то крепкого. И развернулся.

Он шел к нам.

Не ко мне. К нашему столику.

Он шел быстро, напролом, расталкивая людей. Его лицо было темным от ярости. Он больше не пытался сохранить лицо. Он шел на таран.

— Дёма, ты куда?! — крикнула ему вслед Кристина, вскакивая со своего места. — Сейчас куранты будут бить!

Но он ее не слышал. Он видел только меня.

Ведущий на сцене закричал в микрофон, перекрывая музыку:

— До Нового года остается десять секунд! Давайте считать вместе! Десять! Девять! Восемь!..

Демид был уже в пяти метрах от нас.

— Семь! Шесть! Пять!..

Его глаза горели.

— Четыре! Три! Два!..

Он остановился у нашего стола, нависая надо мной, как грозовая туча.

— Один!!! С Новым годом!!!

Зал взорвался криками «Ура!», звоном бокалов и хлопками пробок от шампанского.

Глава 13

Воздух в банкетном зале стал плотным, как натянутая струна виолончели. Его можно было резать ножом и намазывать на хлеб вместо масла — эту смесь из ароматов хвои, мандариновой корки, дорогих духов и электрического ожидания, от которого покалывало кончики пальцев.

На огромном экране над сценой появился Кремль. Звук приглушили, но слова президента, кажется, все знали наизусть. Люди поднимались со своих мест, шурша шелком и бархатом, сжимая в руках запотевшие бокалы с игристым.

— Ну что, девочки, — Лена встала, поправляя свое синее платье, усыпанное пайетками. — Готовьте желания. И пусть только Вселенная попробует нас не услышать.

Я тоже поднялась. Мое изумрудное платье скользнуло по ногам прохладной волной. Спина, открытая до поясницы, чувствовала сквозняк, но мне не было холодно. Меня грело шампанское и тот самый взгляд Марка, который он подарил мне на танцполе десять минут назад.

Марк стоял у своего столика, буквально в метре от нас. Он держал бокал за тонкую ножку, и я боковым зрением видела, что он смотрит не на экран, а на меня.

— Мам, загадывай что-то реальное, — шепнула Аня, проверяя макияж в фронтальной камере телефона. — Типа «Бентли» или развод без дележки имущес

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.